

The background of the entire image is a watercolor illustration of several purple lilies with green leaves, set against a textured, aged, light brown paper. The lilies are painted in various stages of bloom, with some showing detailed stamens and centers. The overall style is artistic and vintage.

Ирина
Волчок

ДОМ РАБОТНИЦА

ЦАРЯ

ДАВИДА

Ирина Волчок

Домработница царя Давида

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Волчок И.

Домработница царя Давида / И. Волчок — «Издательство АСТ»,
2011

ISBN 978-5-17-118978-5

Аню наняли домработницей к старому инвалиду... По крайней мере, так сказала родственница этого инвалида, принимающая её на работу. И Аня была готова ко всему – к тяжёлой работе, к капризам и придиркам, к непониманию и даже скандалам. Работа была с «проживанием», а за это она была готова терпеть даже самодурство хозяина, тем более что об этом самодурстве её честно предупредили. Аня не была готова только к тому, что с этого момента жизнь её изменится. И жизнь её родных, и знакомых, и друзей изменится. Есть такие люди, которые хотят и умеют менять мир к лучшему. Если и не весь мир, то хотя бы ту его часть, на которую способны повлиять...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118978-5

© Волчок И., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Волчок

Домработница царя Давида

Глава 1

Дом был за чугунной оградой. И ворота были закрыты. Аня постояла перед воротами, поразглядывала сложный кованный узор, потом уцепилась за чугунный завиток – никакой ручки у ворот не было, – подёргала, потолкала... Нет, закрыты. Ну вот, мы так не договаривались... И как она попадёт в дом? Хозяйка ни о чём таком её не предупреждала. Или, может быть, это совсем не тот дом? Может быть, Аня сама всё перепутала, неправильно записала адрес или записала-то правильно, но пришла совсем не по тому адресу, который записала, или не в то время, когда её должны были ждать, может быть, даже и не в тот день?.. Куда она положила бумажку, на которой записала и день, и час, и адрес? Она помнила, что специально придумывала, куда надо положить эту проклятую бумажку, чтобы и не потерялась случайно, и не выбросилась по рассеянности, и всегда была под рукой. Она совершенно точно помнила, что придумала такое место, очень простое, очень удобное и очень надёжное, положила туда бумажку и осталась очень довольна. И забыла, куда положила. Наверное, Вадик всё-таки прав насчёт нарушения мозгового кровоснабжения. Ей давно следовало обратиться к врачу, а не обижаться на справедливую критику. Тем более что, как неоднократно подчёркивал тот же Вадик, он критиковал не её, а её мозговое кровоснабжение. Вадик когда-то серьёзно интересовался мозговым кровоснабжением. Предполагалось, что о мозговом кровоснабжении он знает всё. Предполагалось, что его собственное мозговое кровоснабжение безупречно. В нём всё было безупречным. Если вдруг кто-то упрекал – сразу становилось ясно, что у них, упрекающих, нарушено мозговое кровоснабжение. Примерно так же, как у Ани. Всё-таки как хорошо, что его нет рядом сейчас, когда она лихорадочно роется в сумке в поисках спрятанной чёрт знает куда бумажки, убедительно подтверждая его диагноз насчёт её раз и навсегда нарушенного мозгового кровоснабжения. Вот бы комментарии было...

Аня вдруг вспомнила, что его действительно нет сейчас рядом. И сразу успокоилась. И даже развеселилась. И даже потихоньку хихикнула, представив, как разочаровался бы Вадик, если бы узнал, какого шанса покомментировать его лишили так бессердечно. Нет, он говорит – «жестокосердно». Когда-то он всерьёз интересовался русским языком. Предполагалось, что русский язык он знает безупречно.

Вот она, бумажка, в паспорт заложена. Ну, конечно, где ж ей ещё быть. У Ани в сумке только ключи, носовой платок, две десятирублёвки и паспорт. Десятирублёвки тоже в паспорт заложены. У неё не было кошелька, и все ценные вещи она хранила в паспорте – двадцать рублей и записку с адресом. Правда, ещё не известно, действительно ли эта записка окажется такой ценной, как она надеется...

Так, адрес тот же: улица Посадская, дом 6, квартира 7. И время то же: 31 июля, 14.00. Она ничего не перепутала, не забыла и не опоздала. Даже раньше пришла, почти на пятнадцать минут. Ну и хорошо. Значит, у неё есть время как следует осмотреться, уточнить обстановку и сориентироваться на местности. Наверняка в этой чугунной ограде есть ещё какие-нибудь ворота. Или калиточка какая-нибудь. Служебный вход. Запасной выход. Запасной выход бывает всегда – на случай пожара, наводнения, землетрясения, цунами, тайфуна, песчаной бури и всяких других стихийных бедствий. Надо просто обойти эту чугунную ограду по периметру – и запасной выход обязательно найдётся. Или служебный вход.

Нет, похоже, жильцы этого дома не боятся никаких стихийных бедствий – запасного выхода не обнаруживалось. Чугунная ограда за поворотом кончилась, началась кирпичная

стена. Тоже без всяких признаков запасного выхода. И входа тоже. В стене не было ни дверей, ни окон, ни бойниц, чтобы отстреливаться от неприятеля, ни вентиляционных отверстий в высоком цоколе, чтобы кошкам было удобно гулять самим по себе. Или чтобы картошка в подвале не испортилась.

Аня вернулась немножко назад, к тому месту, где в кирпичную стену вращалась чугунная ограда, и заглянула между прутьями во двор. Двор был весь выложен гладенькими розовато-бежевыми плиточками, а из плиточек под лоджиями первого этажа вырастали розовато-бежевые каменные вазы. Вазы были огромные, метра по два в диаметре, а цветочки в них торчали какие-то несерьёзные. Негламурные какие-то. В чёрной, жирной, доверху заполнившей вазы земле – редкие стебельки почти без листьев, а цветы вообще странные: плоские кружочки с намёком на лепестки по краям. Некоторые кружочки были в середине красные, а по краям белые, некоторые – в середине белые, а по краям красные. Некрасиво. В живой природе таких цветов не бывает. Такие цветы делают из бумаги флористы-надомники. Скорее всего – из общества слепых. Когда она будет жить в этом доме, то обойдёт всех жильцов и спросит, согласны ли они на то, чтобы она посадила в каменных вазах нормальные цветы. Да, но если она не найдёт вход, то никогда не будет жить в этом доме...

Аня попыталась сунуть голову между прутьями ограды и разглядеть, что там дальше за кирпичной стеной. Прутья были частые, голова не просовывалась, и удалось разглядеть только то, что кирпичная стена – это вовсе не стена, а длинное здание. Наверное, с окнами и дверями, которые выходят во двор. Перед зданием розовато-бежевых плиточек не было, а была асфальтированная площадка. Подсобное помещение, что ли? Какая-нибудь котельная? Или электрическая... как это называется? На железных дверях таких электрических зданий ещё рисуют череп с костями и чёрную молнию с широкой тупой стрелой вниз и почему-то раздвоенным хвостом. Только раньше она никогда не видела таких длинных электрических зданий.

Аня вздохнула и пошла вдоль этого длинного здания, потому что всё-таки надо было найти какой-нибудь запасной выход. Или служебный вход. Или дыру в заборе. Она ещё ни разу в жизни не видела ни одного забора, в котором не было бы ни одной дыры.

В этом заборе никаких дыр не было. Кирпичная стена электрического здания кончилась, началась чугунная ограда. Без всяких калиточек. Аня всё шла вдоль неё, уже без особого интереса посматривая между прутьями во двор. Двор как двор. Розовато-бежевые блестящие плиточки. Каменные вазы с как неживыми некрасивыми цветами. Ни одного человека, ни одной собаки, ни одной кошки. Даже ни одной птицы не было. Голуби – они же весь город заполнили! Здесь даже голубей не было.

Кажется, ей не хочется здесь жить. Наверное, никому не хочется, вот никто здесь и не живёт. И цветы как неживые.

Аня чуть не повернула назад, потому что мысль о пустом доме за закрытыми воротами её испугала. Вадик говорил, что у неё тревожно-мнительный характер и неустойчивая психика. Вадик когда-то всерьёз интересовался психиатрией. Предполагалось, что об Анином характере и об Аниной психике он знает всё.

Аня представила, что бы он сейчас сказал, поэтому возвращаться назад не стала и пошла вдоль ограды дальше.

Ну и правильно сделала. Ограда опять повернула, и за ней стали постепенно появляться зелёные насаждения. Сначала – какие-то чахлые кустики, и так-то слабенькие и реденькие, так ещё и обстриженные почти наголо. Почти до стволов. Хотя и стволами-то эти прутики называть смешно. У этих зелёных насаждений практически не было ничего зелёного. Так, по два-три мелких листика на макушке. Руки бы оторвать тому парикмахеру, который может так издеваться над беззащитными растениями. Когда она будет жить в этом доме, она во дворе вдоль всей ограды посадит сирень, жасмин, шиповник... Яблони тоже посадит. Несколько сортов. И вишни тоже. А вот это безобразие выдернет с корнем. Разве можно рядом с челове-

ческим жильём сажать хмель? Нельзя. От него болит голова и портится настроение. А для детей это вообще опасно. Если, конечно, в этом доме когда-нибудь будут жить дети. О, наверное, кто-то думает, что будут! Вон какая прекрасная детская площадка с этой стороны дома! Замечательная, чудесная площадка – и качели, и турники, и горки, и шведские стенки, и три песочницы под яркими новыми грибочками-мухоморами... И избушка на курьих ножках, тоже яркая, новенькая, вон, даже брёвнышки на спиле ещё не потемнели... И несколько деревянных скамеек на густой траве под двумя большими развесистыми деревьями... Есть, есть тут настоящие зелёные насаждения, и не какие попало, а хороший взрослый каштан и хорошая взрослая белая акация! А ведь она думала, что во всём городе была только одна белая акация, на берегу, в Старом парке, два года назад её зачем-то спилили. Аня тогда даже заплакала – потихоньку, чтобы Вадик не заметил. Потому что если в семье кто-то даёт волю эмоциям – это крайне негативно сказывается на других членах семьи. Вадик когда-то серьёзно интересовался взаимоотношениями в семье. Предполагалось, что во внутрисемейных взаимоотношениях он специалист.

– Анюта, ты куда?! – закричал сердитый женский голос там, во дворе. – Что это за привычка – лезть куда попало! Не трогай ничего руками!

– Да я и не трогаю, – на всякий случай пробормотала себе под нос Аня, выпустила из рук лист какого-то выющегося растения – в этом месте ограда уже не хмелем заросла, чем-то другим, – и отступила на шаг назад. – Никуда я не лезу. Я ворота ищу.

– Да что ж это такое! Сейчас отшлёпаю!

Тень под белой акацией шевельнулась, с травы торопливо поднялась девушка в зелёном: брюки, футболка, смешной картуз а-ля разночинец – всё зелёное, как трава, вот почему Аня её сразу не заметила, – бросила на землю растрёпанную книжку и зашагала к ограде с самым решительным и даже грозным видом, на ходу приговаривая:

– Честное слово – отшлёпаю! Вот увидишь – отшлёпаю! Мне твоя мама разрешила!

Аня обиделась. Зелёная девушка беззастенчиво врала. Мама никогда никому не разрешила бы отшлёпать родную дочь. Во-первых, это непедагогично. А во-вторых, Анина мама не привыкла передоверять чужим людям свои права и обязанности.

Зелёная девушка дошла до ограды, за которой стояла Аня, наклонилась, пошарила в зарослях не знакомых Ане выющихся растений и выпрямилась уже с ребёнком в руках. Ребёнок был только в трусиках-памперсах, в панамке и в вязаных пинетках. Совсем мелкий ребёнок, года полтора, наверное.

– Неть, – весело сказал ребёнок и похлопал себя руками по защищённой памперсами попке. – Неть. Никак!

И засмеялся.

И зелёная девушка засмеялась, тоже слегка хлопнула ребёнка по попке, вздохнула и сказала:

– Да, не получится. Никак. Такая вредная штука, я всегда это говорила... Пора тебе отвыкать от подгузников, Анюта. Если ты опять будешь лезть куда попало и совать в рот всякую дрянь, я прямо сегодня поставлю вопрос о памперсах перед твоей матерью. Ребром.

– Неть! – крикнула Анюта и полезла слюнявить лицо зелёной девушки.

– Опять! – возмутилась зелёная девушка, пытаясь отвернуться. – Подлиза хитрая!.. Опять что попало в рот тащишь!.. Я грязная!.. Сколько раз говорить: нельзя!.. Ай! Не кусайся! Ты кто – приличный ребёнок или вурдалак?!

Аня хихикнула. Потихоньку. Но зелёная девушка услышала, замолчала, шарахнулась от ограды, закрывая собой ребёнка, а потом уже оглянулась. Увидела в просветах между листьями выющихся зарослей Аню, заметно успокоилась, но спросила всё-таки настороженно, даже строго:

– Вы кто? Вы почему за нами следите? Вы что тут делаете?

– Я не слежу, – ответила Аня, несколько не испугавшись строгого тона зелёной девушки. – Я просто ворота ищу. Я сюда по делу пришла. А вы вдруг крикнули: «Анюта», – вот я и оглянулась. Меня Аней зовут.

– Здорово, – обрадовалась зелёная девушка. – Сейчас, сейчас... Сейчас придумаю...

Она стояла всё так же, спиной к Ане, закрывая ребёнка собой, не поворачиваясь, оглядывалась через плечо, но уже было заметно, что ничего не боится, и вообще вряд ли об Ане думает, потому что напряжённо думает о чём-то другом. И даже не так думает, как мечтает.

– Всё, загадала, – сказала зелёная девушка, выныривая из своих мечтаний. – Знаешь, да? Надо между тётками встать – и тогда можно желание загадывать... Ворота с той стороны. Иди скорее, я навстречу пойду. Меня тоже Анной зовут. Если хочешь – тоже желание загадаешь. Встанешь между мной и этой вурдалакшей – и загадаешь. Хочешь? Скорее иди, а то нам домой пора, в два обед, а уже без семи... Ну, побежали?

Зелёная Анна с маленькой Аней в охапке действительно почти побежала к воротам, огибая дом, и Аня почти побежала вдоль чугунной ограды, потом – вдоль кирпичной стены электрического здания, потом – опять вдоль чугунной ограды – и прямо к открытым воротам. Не очень открытым, а так, чуть-чуть, но щёлочка была вполне достаточной для того, чтобы она пролезла. Она бы и пролезла, если бы щёлочку не загораживал широкий парень в чёрных штанах, белой рубашке и чёрном галстуке. Вид у парня был почти офисный, если не считать мелочей: брючный ремень был коричневый, а рубашка – с короткими рукавами. Почти офисный парень жадно курил, коротко и торопливо затягиваясь. Увидел Аню, щелчком отправил окурочек чуть ли не на середину улицы, отступил во двор и задвинул ворота. Прямо перед Аниным носом.

– Ой, – растерялась Аня. – Как же так?... А я как раз войти хотела.

– Зачем? – подозрительно спросил почти офисный парень. И смотрел он на неё очень подозрительно.

– Меня ждут, – неуверенно объяснила Аня. От всяких подозрений она всегда начинала чувствовать себя очень неуверенно. – В седьмой квартире. Мы договорились. Хозяйка сказала, чтобы я к двум пришла.

– Так звонить надо, – равнодушно сказал почти офисный парень, повернулся и пошёл к подъезду.

– Как звонить? – жалобно крикнула Аня ему в спину.

– Как все, – буркнул почти офисный парень, не оборачиваясь. – В звонок.

Интересно, и где же тот звонок, в который она должна звонить, как все? И все – они тоже вот так же этот звонок ищут?

Через двор от угла дома к воротам мелко семенила зелёная Анна, крепко прижимая к себе маленькую Аню. Ещё за несколько шагов нетерпеливо закричала:

– Входи скорей! А то нам уже на обед пора!

– Я не знаю, как звонить, – призналась Аня. – Никакого звонка не вижу...

– Да вот он... – Зелёная Анна подсемила вплотную к воротам, перехватила Аню одной рукой, а другую просунула между чугунными прутьями и нажала на выпуклую середину одного из чугунных цветков. – Первый раз, да? Теперь отвечай на вопросы.

Аня хотела спросить, на какие вопросы ей надо отвечать, но тут чугунный цветок прямо перед её носом задал первый вопрос:

– В какую квартиру?

– В седьмую, – ответила она.

И вопросительно посмотрела на зелёную Анну. Та одобрительно кивнула.

– По какому делу? – задал второй вопрос чугунный цветок.

– Собеседование по поводу работы.

Аня опять посмотрела на зелёную Анну. Та опять кивнула.

– Фамилия, имя, отчество? – задал третий вопрос чугунный цветок.

– Я только имя хозяйки знаю... Мы по телефону говорили, она сказала, чтобы я называла её Маргаритой...

Чугунный цветок тяжело вздохнул. Зелёная Анна округлила глаза, поджала губы и потыкала в сторону Ани указательным пальцем. Маленькая Анюта извернулась у неё в руках и тоже показала на Аню пальцем. Аня спохватилась и торопливо добавила:

– А мои фамилия – имя – отчество Анна Сергеевна Бойко... То есть наоборот, Бойко Анна Сергеевна...

Чугунный цветок пошуршал, опять тяжело вздохнул и неохотно разрешил:

– Можете войти.

В воротах что-то щёлкнуло, но открываться они даже и не подумали.

– В сторону толкай, – нетерпеливо подсказала зелёная Анна. – Он просто замок открыл, а ворота отводит только тогда, когда машины... Ты же не машина, правда? Сама ручками можешь... Вправо толкай, они легко идут. Скорей, скорей, без трёх минут два... Желание не успеешь загадать.

Аня нерешительно толкнула ворота, которые неожиданно легко отъехали почти на метр, вошла во двор и оглянулась на странные звуки. За её спиной ворота с тихим жужжанием ехали на привычное место. Закрылись, щёлкнули и застыли. Ане стало неуютно. И даже страшно. Это нелепо.

– А отсюда они как открываются? – скрывая этот нелепый страх, спросила она у зелёной Анны.

– Да так же, с поста, – равнодушно сказала та, поставила маленькую Анюту на ноги и отступила от неё на шаг. – Вставай между нами. Скорее. Загадывай желание. Ну, чего тормозишь? Сейчас эта молекула куда-нибудь потопаёт, лови её потом... Вставай сюда, пока я её держу. Вот так. Теперь загадывай. Только быстро. А то уже два почти.

Аня шагнула в просвет между зелёной Анной и маленькой Анютой – и тут сообразила, что не успела придумать никакого желания. И времени придумывать уже нет. Наверное, зелёная Анна по её лицу поняла, что у Ани опять возникли проблемы с мозговым кровоснабжением, потому что пихнула её локтем в бок и нетерпеливо подсказала:

– Чего ты больше всего хочешь? Думай быстро! Ты вообще знаешь, чего хочешь больше всего?!

– А, это знаю! – Аня с облегчением перевела дух. – Больше всего я хочу, чтобы мама...

– Ой-й-й, молчи! – перебила зелёная Анна. – Вслух нельзя! А то не сбудется... Всё, пойдём скорее. Полторы минуты осталось. Осторожней на этих плитках. Скользкие. Что зимой будет?..

Она опять подхватила маленькую Анюту на руки и засеменила к подъезду. Аня заторопилась за ней – сначала тоже засеменила, а потом пошла нормально, потому что её тапочки были на резиновой подошве и нисколько не скользили. И в просторном холле на первом этаже не скользили, хоть пол здесь был вообще как зеркало и даже блестел почти так же. Зелёная Анна скользила по этому полу, вообще не отрывая подошв. Как будто на лыжах шла. А Аня – ничего, нормально шла, как всегда. Немножко быстрее, чем всегда, потому что не хотела отстать от своей новой знакомой – надеялась, что та ей покажет, где тут седьмая квартира.

– Документы, – сказал откуда-то сбоку почти офисный парень.

Аня остановилась и оглянулась. Почти офисный парень стоял за длинной деревянной стойкой, опираясь на неё кулаками, и хмуро смотрел вслед зелёной Анне с маленькой Анютой на руках.

– Мои? – на всякий случай спросила Аня.

Всё-таки почти офисный парень не на неё смотрел.

– А вы что, с чужими документами ходите? – совсем уже хмуро поинтересовался почти офисный парень.

– Почему с чужими? Со своими... – испугалась Аня. – Вот, у меня паспорт есть...

Она торопливо полезла в сумку, но тут зелёная Анна, не оборачиваясь, раздражённо крикнула:

– Олежек, отстань! Ты же видел, что мы знакомы! Мы уже опаздываем!

– Ладно, идите, – буркнул Олежек, сел на что-то там, за стойкой, отвернулся и уткнулся в телевизор.

Аня вытянула шею и на ходу успела заметить, что на маленьком чёрно-белом экране неподвижно торчит какая-то скучная картинка. И звука не было.

Зелёная Анна уже взбежала по четырём ступенькам, покрытым серым ковром, на просторную площадку, тоже всю застеленную ковром, только тёмно-вишневым. Оглянувшись, сказала: «За мной», – и свернула за угол. Аня побежала за ней, как и было велено.

И с разбегу влетела в распахнутые двери лифта. Она сначала даже не поняла, что это лифт. Это была почти комната! С узким диванчиком вдоль одной стены, с низким столиком – вдоль другой, с каким-то выющим цветком в горшке, висящем на третьей стене. И ещё над столиком висело большое зеркало. Вот какой это был лифтище.

– Тебе какой этаж? – спросила зелёная Анна, прицеливаясь пальцем в панель с кнопками. – А, да, ты же в седьмую... Значит – четвёртый.

Аня удивилась: почему четвёртый? Если на каждом этаже по четыре квартиры, то получается, что седьмая должна быть на втором... Но вслух свои сомнения высказать не успела. Двери лифта бесшумно сомкнулись, над ними что-то дзинькнуло стеклянным звуком, и лифт рванул вверх с такой скоростью, что Аня на миг подумала, что вот так она будет себя чувствовать, когда потолстеет килограммов на двадцать. Вадик называл её нечаянные ассоциации глубинными комплексами. Вадик когда-то серьёзно интересовался глубинными комплексами. Предполагалось, что Анины глубинные комплексы выдают её с головой. Ему выдают.

Лифт так же круто, но плавно и по-прежнему бесшумно затормозил, двери с лёгким вздохом, в котором угадывались понимание и снисходительность, поплыли в стороны, и зелёная Анна быстро сказала:

– Налево, в конце, белая дверь, цепочка справа – это звонок. Не бойся ничего, ты-то уж точно понравишься.

Аня шагнула на лестничную площадку, оглянувшись, чтобы сказать «спасибо» и помахать на прощанье рукой. Но двери лифта уже сомкнулись, и он уехал. Наверное, уехал. Никакого скрипа блоков и скрежета канатов слышно не было.

И вообще очень тихо было. Нигде не пело радио, не галдел телевизор, не гудел пылесос, не лаяла собака, не лязгали люки мусоропровода... И Эльвира не орала на своего Петьку: «Ты чего делаешь, а?! Ты посмотри, на кого ты похож, а?! Весь в своего папашу!» Хотя да, здесь же не может быть Эльвиры... Вот это хорошо. Тихо будет. Аня любила тишину. Она почему-то всегда любила редкие и недоступные вещи. Вадик считал, что такая тяга к роскоши – это свидетельство неправильного воспитания в неблагополучной семье. Вадик когда-то серьёзно интересовался неблагополучными семьями... То есть неправильным воспитанием...

– Бум-м-м... – раздалось откуда-то справа торжественно и печально.

Аня чуть не вздрогнула, оглянувшись, ничего, кроме длинного коридора, застеленного ковролином, не увидела – и потом уже догадалась: часы! У кого-то там, в квартире справа, есть часы с боем. Хороший бой, внушительный. Как у Царь-колокола...

Ай, они же два часа бьют! Один раз уже бумкнули, а она ещё даже до двери седьмой квартиры не добралась! Если человек опаздывает даже на первое собеседование, кто же примет его на работу?! Зелёная Анна сказала: налево. Уже не глядя по сторонам, Аня пробежала длинный коридор – такой же, какой уходил направо, и под точно таким же серым ковролином, – подбе-

гая к двери, заранее протянула руку, и как раз тогда, когда часы густым колокольным голосом второй раз сказали: «Бум-м-м...», – ухватилась за маленькую бронзовую подковку, висящую на тонкой цепочке, и осторожно дёрнула. То есть хотела дернуть осторожно, но получилось довольно сильно. Потому что с разбегу. Хорошо, что не оборвала эту цепочку. Если человек обрывает цепочку с бронзовой подковкой ещё до собеседования, кто же его примет на работу?

Дверь распахнулась как-то очень уж сразу, Аня даже не успела сделать спокойное и уверенное выражение лица. А если человек, пришедший на собеседование, прямо с порога демонстрирует виноватую, растерянную и вообще глупую морду, кто же на работу его примет-то?

– Вы точны, – одобрительно заметила дама, стоящая в дверях, мельком глянула на Аню, повернулась и пошла в глубь квартиры. – Войдите. Захлопните дверь. Идите за мной.

– Спасибо, – сказала Аня узкой прямой спине дамы. Дама не ответила. Наверное, не слышала. Она уже довольно далеко отошла, к тому же слушала не Аню, а сотовый телефон, который прижимала к уху холёной рукой с тонким браслетом на запястье. В свете трёх бра на стенах и одной люстры на потолке браслет разбрызгивал в разные стороны острые разноцветные искры. Наверное, бриллианты. Аня видела бриллианты на застеклённом прилавке в ювелирном магазине. Тогда она долго любовалась острыми разноцветными искрами, которые летели от какого-нибудь колечка, которое вертела в пальцах серьёзная покупательница. Оказывается, любоваться было совершенно нечем. Весь тот прилавок со всеми своими кольцами, брошками, серьгами и всем остальным не шёл ни в какое сравнение с одним этим браслетом. На этой руке. Да, вот именно: ещё неизвестно, браслет украшает руку или рука – браслет. На такой руке и копеечная пластмасса начнёт сверкать от радости и разбрызгивать в разные стороны острые разноцветные искры.

Аня украдкой посмотрела на свои тощие, поцарапанные, обветренные руки, вздохнула, сняла тапочки и босиком пошла за дамой с руками, которые украсили бы любой браслет.

Дама через широкую арку, наполовину занавешенную сдвинутой в одну сторону мелкоячеистой вязаной сеткой, вошла в большую комнату, где были только два дивана, два кресла и большой круглый стол посередине, сказала в свой сотовый: «Я поняла. Завтра перезвоню...», захлопнула его и, наконец, оглянулась на Аню. Бросила телефон на один из диванов, вдруг подняла руку, повертела кистью в воздухе и с непонятным выражением спросила:

– Что, нравится?

Аня смутилась. Наверное, дама заметила, как она бесцеремонно рассматривала её руки. Наверное, знает, что они прекрасны. Наверное, думает, что Аня никогда в жизни таких рук не видела. А Аня вот как раз и видела. Два раза. Так что даме особо зазнаваться-то не следует...

– У моей мамы тоже очень красивые руки, – со сдержанной гордостью и спокойным достоинством сказала Аня. – А в молодости вообще такие были, что просто как произведение искусства. И ещё у одной моей знакомой руки красивые. Ну, может, и не такие, как у вас, но тоже все сразу замечают...

Дама удивилась. Поддержала перед собой ладони, поразглядывала их, повертела кистями, пожала печами, подняла взгляд на Аню, несколько секунд смотрела испытующе и даже подозрительно, подозрительным же голосом уточнила:

– Вы не поняли. Я спрашивала о бриллиантах.

– А это бриллианты? – Аня понимающе покивала. – Ага, я так и подумала... Тоже красивые, а как же, конечно. И вам эта штука очень идет.

Дама слабо улыбнулась, всё так же испытующе глядя на Аню, опять почему-то пожала плечами и опять подозрительно спросила:

– А почему вы босиком?

– Я сменную обувь не догадалась захватить, – виновато призналась Аня. – А в уличной обуви в доме... ну, неудобно.

Ну вот, сейчас дама поймёт, что у Ани серьёзные нарушения мозгового кровоснабжения. Если человек на первое собеседование приходит в чужой дом без сменной обуви – кто же его примет на работу?

– А я дома редко переобуваюсь, – задумчиво сказала дама. – С утра до вечера – на каблуках. Привыкла. Без каблуков даже трудно ходить.

– А я на каблуках не умею... – Аня с сожалением вздохнула и завистливо покосилась на вышитые шёлковые туфельки на тонких прозрачных каблуках. – У меня были «шпильки». Я один раз в них даже ходила. На праздник какой-то, не помню. Помню, что измучилась только – вот и весь праздник был. Больше никогда не надевала, вот и не научилась ходить. Да мне и ходить особо некуда.

– Тебе сколько лет? – вдруг спросила дама. И опять почему-то с подозрением. – Да ты сядь куда-нибудь. Что мы стоя говорим.

И сама села на один из диванов. Подумала, стряхнула вышитые туфельки, подтянула ноги под себя и облокотилась о спинку дивана.

– Спасибо... – Аня на всякий случай отряхнула ладонью штаны на заднице и села в одно из кресел. – Мне двадцать шесть лет... Скоро, почти через месяц.

– У тебя какое образование?

Ну вот, мы так не договаривались... В объявлении не было ни слова об образовании. Вот теперь и гадай, что ей нужно – чтобы у Ани было какое-нибудь образование или чтобы никакого образования не было. Аня не знала, что ей выгоднее говорить, поэтому по привычке сказала правду:

– Филологическое.

– И ты не можешь найти работу по специальности? – удивилась дама.

Аня тоже удивилась:

– А чего её искать? У меня есть работа. Даже много работы, иногда – очень много. Я корректором работаю, в типографии. Ну и со стороны без конца работу несут... со всех сторон. Я хороший корректор.

– Платят мало?

– Нормально платят. Полторы сотни за лист. Сколько листов прочитаю – столько и заработаю. Получается сдельщина.

– И сколько ты листов можешь прочитать?

– Да я много могу, – с законной гордостью сказала Аня. – Я быстро читаю. Только это же не всегда одинаково получается. Иногда всего один листик в день дают, иногда – аж три. А месяц назад срочный заказ был, так я за неделю тридцать два листа прочитала! Почти пять тысяч заработала. А заказчик ещё торт и шампанское принес...

– Подожди, – перебила Аню дама. – Подожди, подожди... Тогда я ничего не понимаю. Ну, берем по среднему, например, два листа в день...

Она вопросительно посмотрела на Аню, Аня подумала и кивнула. Вообще-то в среднем выходило немножко побольше. Но совсем немножко, так что гордиться особо нечем. Два листа – это тоже очень приличный объём работы, сорок две страницы... Другим и этого не дают – не справляются.

– Триста долларов в день, – задумчиво сказала дама. И опять очень подозрительно уставилась на Аню. – Неплохо, неплохо... Ты надеешься, что здесь тебе будут платить больше?

– Какие триста долларов? – растерялась Аня. – Триста рублей... Один лист сто пятьдесят рублей стоит. Триста долларов я в месяц зарабатываю. Иногда даже больше.

Дама сидела, молчала, смотрела на неё с непонятным выражением лица... Кажется, не верила. Аня всегда очень терялась, если ей не верили. Главное – совершенно непонятно, чему тут можно не верить. Триста долларов в день! Вот в это действительно никто не поверил бы. А триста рублей – это нормально. Между прочим, многие даже и не мечтают о таких деньгах.

– Триста рублей в день – это хорошие деньги, – осторожно сказала она. – У нас немногие так зарабатывают. На жизнь вполне хватает.

Дама молчала, смотрела на неё, о чём-то думала. Что говорить ещё, Аня не знала. Наверное, собеседование закончилось, она не произвела благоприятного впечатления, на работу её не возьмут, так что пора уходить. Интересно: надо спросить, может ли она быть свободна? Вадик когда-то серьёзно интересовался этикетом. Предполагалось, что этикет он знает до тонкостей. А она не знает... Спросить или не спросить? Она уже почти решила спросить, но тут дама сама задала вопрос:

– Если тебя устраивает твоя нынешняя работа, почему ты ищешь другую? Учти, здесь ты сможешь заработать не больше... ну, тоже долларов трёхсот, например.

– Ой, это ничего! – Аня обрадовалась. – Это даже хорошо! Я ведь могу и корректурой подрабатывать... Правда, совсем немножко, на дом только книги брать можно, газеты дома не считаешь, там специфика производства такая, что не оторвёшься... А книги я в свободное время могу. А если времени мало будет – тоже ничего... Можно и без подработки обойтись. Мне главное – это чтобы жить было где. В объявлении было написано «с проживанием» – вот я поэтому и позвонила.

– Тебе негде жить?

– Негде... – Аня смутилась. – То есть, наверное, можно было бы, но уже нельзя... То есть я не могу... Квартира принадлежит мужу, а мы разводимся. Как же я там останусь?.. Неудобно.

– Почему? – бесцеремонно спросила дама без всяких признаков сочувствия. Даже почему-то улыбнулась и добавила: – Я имею в виду: почему ты разводишься, а не почему тебе там оставаться неудобно.

Ну вот, мы так не договаривались... Как можно объяснить постороннему человеку, который совсем ничего не знает о её жизни, что такая жизнь – это... в общем, это не жизнь. Она даже маме ничего не сумела объяснить. Правда, мама никаких объяснений не требовала. А в суде сказали, что в заявлении надо указывать причину. Аня полчаса думала, какую причину надо указать, а потом судейская девушка – наверное, секретарь – сжалилась над ней и подсказала: «Фактическое прекращение брака, невозможность совместного проживания, супружеская измена, несовместимость характеров... Обычно это пишут». Аня написала то, что успела запомнить: «Фактическое прекращение брака и невозможность совместного проживания». Измену она тоже запомнила, но писать не стала. Про измену она ничего не знала. Может, были какие-нибудь измены, может, не было – какая разница? Когда брак фактически давно прекратился. И проживать совместно совершенно невозможно.

– Совместно проживать невозможно, – сказала она вслух. – Совсем невозможно... Не хочу больше.

Дама молча смотрела на неё, вопросительно подняв брови. Ждала продолжения.

– И характеры у нас несовместимые, – вспомнила Аня ещё одну формулировку, подсказанную судейской девушкой. Подумала и на всякий случай расшифровала: – Всё разное – привычки, целевые установки, жизненные ценности, интересы... А сейчас он увлёкся... То есть серьёзно заинтересовался... То есть сейчас ему вообще не до меня.

Сейчас Вадик серьёзно заинтересовался малым бизнесом. Он это так называл. Решил торговать компьютерными дисками.

Предполагалось, что он принял правильное решение. Но диски сначала надо было купить. Много – чтобы оборот был солидный. Чтобы купить много дисков для солидного оборота, Вадик продал всё, что можно было продать, – старую «шестёрку», перешедшую к нему от отца, железный гараж-«ракушку», ту мебель, которая была поновее, фарфоровый сервиз, который её мама и бабушка им подарили на свадьбу, и Анин компьютер. В компьютере было много уже сделанной работы и две книги, которые она ещё не вычитывала. Аня пришла с работы – а компьютера нет. Вадик сказал, что продал его за десять тысяч, и очень обиделся,

когда узнал, что работы пропало на четырнадцать тысяч: «Почему ты не предупредила?! Ты же знаешь, как мне сейчас деньги нужны! Только о себе думаешь!» Ковёр, её дубленку и их обручальные кольца он тоже продал. Потому что ковёр всё равно немодный, дублёнка летом всё равно не нужна, а кольца они всё равно не носят – он не привык, а у неё пальцы похудели так, что кольцо соскальзывает. Вот он и продал, пока она не потеряла... Но денег всё равно выручилось мало, на солидный оборот никак не хватало. Да ещё оказалось, что регистрация, аренда даже самого убогого ларька, «крыша», санэпиднадзор, налоговая инспекция – всё это стоит гораздо дороже, чем он предполагал. Тогда Вадик взял ссуду в банке. Под залог квартиры. Больше-то закладывать было нечего. Долги надо было отдавать, а отдавать было нечем, никакого оборота – ни большого, ни хотя бы маленького – не получилось. Торговля не пошла. Вадик считал, что виноваты продавцы – лентяи и жулики. Он уже трёх продавцов сменил, а торговли всё равно никакой. Не самому же в том ларёчке сидеть? Он своё дело сделал, он такие бабки в бизнес вложил, а эти лентяи и жулики специально делают всё для того, чтобы эти бабки вылетели в трубу. Бабки правда вылетали в трубу со свистом. Почти все Анины заработки шли на погашение долгов. К тому же и заработков стало меньше. Без компьютера было трудно. Приходилось читать распечатку, потом относить типографским наборщикам на правку, потом по второй распечатке делать сверку... Времени не хватало. Вадик потерпел месяца два, а потом сказал, что никакой серьёзной помощи от неё он не видит. Серьёзная помощь будет в том случае, если её мама продаст свой дом и вложит деньги в его бизнес. Он уже серьёзно интересовался ценами на недвижимость в райцентрах. Дом Аниной матери придётся продавать срочно, поэтому больше семи тысяч долларов за него не возьмёшь. Ну, и то хлеб... Хотя бы часть ссуды погасить можно будет. Не терять же ему квартиру только потому, что продавцы – лентяи и жулики, «крыше» и всем официальным инстанциям он платит из своего кармана, а от жены – никакой серьёзной помощи... Аня пошла и подала заявление о разводе. Ну, и как всё это можно рассказать постороннему человеку? Тем более – этой даме с бриллиантовым браслетом на прекрасной руке. Вряд ли вообще поймёт, о чём идёт речь.

Дама и не поняла.

– Ну мало ли кем мужики увлекаются, – пренебрежительно сказала она и махнула прекрасной рукой, разбрызгав браслетом сноп разноцветных искр. – Да если даже и серьёзно кем-то заинтересовался... Всякое бывает. Но за любовь бороться надо!

– С кем? – удивилась Аня. – Да и как бороться? Я не понимаю. Любовь или есть – или нет. Если есть – бороться незачем. Если нет – бороться не за что. Логично?

– Логично, – серьёзно согласилась дама. Опять внимательно поразглядывала Аню, осторожно спросила: – Так ты что... не страдаешь?

Аня как следует обдумала вопрос, неуверенно пожала плечами, виновато сказала:

– Кажется, нет. Уже всё прошло... проходит. Только устала очень.

– Это тоже пройдёт, – тоном психотерапевта заметила дама. Вздохнула и вдруг заговорила совсем другим тоном – деловым и даже холодноватым: – Ну ладно. Теперь о деле. В вашей дыре нет даже никакой фирмы по подбору персонала. Вот нам и пришлось объявление давать. До тебя уже приходили четыре женщины. Они старше, наверное, умеют больше, чем ты. Две из них уже работали помощницами по хозяйству в приличных семьях, могут принести рекомендации. Одна работала поваром в столовой. Одна – процедурной медсестрой. Все здоровы, справки есть. Я никогда не выбирала персонал сама. Скажи мне, пожалуйста, кого из них ты взяла бы в домработницы?

– Никого не взяла бы, – ляпнула Аня, не успев подумать. Смутилась и неловко объяснила: – Я бы домработницу не искала. Я ведь сама всё умею, так что мне незачем... А на вашем месте я взяла бы ту из них, которая самая добрая. Ведь все женщины умеют делать всё почти одинаково, правда ведь? А характеры у всех разные. Когда в доме постоянно находится чужой человек – это уже... не очень удобно. А если этот человек ещё и раздражительный или назой-

ливый, или мрачный, или очень громкий... Или командует всё время... Или обижается неизвестно почему... Тогда очень трудно жить будет. Даже если обеды лучше, чем в ресторане, и пыли нигде не будет, и всё постирано, поглажено и по полочкам разложено...

Она смешалась и замолчала, потому что дама вдруг тихо засмеялась. Над ней, что ли? Кажется, она ничего такого не сказала... Наверное, даме даже подумать смешно, что её домработницы могут продемонстрировать какие-нибудь неприятные черты характера. Или ей всё равно, потому что она с домработницами просто не общается.

– А если вам всё равно, какой у человека характер, тогда нужно выбирать ту, которая лучше всех готовит... – Аня покрепче прижала сумку к животу, чтобы заглушить голодное бурчание, и мечтательно добавила: – Которая готовит хорошо и быстро. И много...

– Мне действительно всё равно, какой характер, – всё ещё улыбаясь, сказала дама. – Да и как готовит – тоже всё равно. Я потому смеялась, что ты слова царя Давида повторила. Просто слово в слово, как будто слышала... Это я для него домработницу ищу, мне домработницы не нужны, у меня есть – и в Москве, и в Париже, и в Карловых Варах... Я здесь не живу. Здесь брат моего мужа живёт... Будет жить. Через неделю приезжает.

– Брат мужа? – Аню эта новость очень неприятно удивила. – Как же так... Я не знала... Он один здесь будет жить? Нет, тогда вам нужно кого-нибудь другого взять... другую. Извините. Я не думала, что домработница для мужчины нужна. Я вряд ли подойду. Я не сумею...

Она уже полезла из кресла, но дама остановила её движением прекрасной руки и насмешливо спросила:

– Что ты не сумеешь – харчо сварить? Пыль смахнуть? Полотенца в прачечную отдать?... Или ты боишься, что он приставать к тебе будет?

– Я не боюсь! – Аня вспомнила, что мама всегда говорила ей: «Не умеешь врать – не берись... У тебя всё на лбу написано», – и на всякий случай уточнила: – Я не то чтобы боюсь, а... не хотелось бы.

– А! – догадалась дама. – К тебе часто пристают, да? И, наверное, совсем не те, которые нравятся?... Нет, здесь не тот случай. Царь Давид приставать не будет, я уверена... Во всяком случае, к тебе. Ему семьдесят недавно стукнуло. К тому же, пока он в инвалидной коляске – какие там приставания...

– Ах, инвалид, – успокоилась Аня. – Тогда ладно. Хотя с инвалидами трудно бывает. У них обычно характер портится, капризничать начинают, чудить... Но это ничего. К старости все так. А что с ним такое? Парализовало? После инсульта? Или с позвоночником что-то?

– Бог миловал, – довольно равнодушно ответила дама. – С чего бы его парализовало? Глупости какие... Просто ногу сломал. Лошадь сбросила, вот он и... Да и мой тоже хорош! Почти необъезженного жеребца брату на юбилей подарил.

– Зачем же он на необъезженного сел? – удивилась Аня. – Это же очень опасно! Я знаю, моя знакомая верховой ездой занимается. Она рассказывала, что объезжать лошадей – это настоящее искусство, этим специальные люди занимаются.

– Ну да, они этим и занимаются, – с неудовольствием сказала дама. – Что Сандро, что Давид... Джигиты чёртовы. Никаких нервов не хватает. Такой юбилей получился, что у меня до сих пор голова кружится. Да ещё и Давид не хочет у нас больше оставаться, сюда рвётся. Чего ему здесь?... Ладно, хоть конюшни рядом нет – и то хорошо. А то бы прямо из коляски – и на коня! Я бы не удивилась.

– Но вы же сказали, что ему уже семьдесят, – вспомнила Аня. – Как же в таком возрасте можно?... А ваш муж, наверное, намного моложе брата?... Ой, извините! Это я потому спросила, что вы такая... ну, потому что у вас ведь не может быть старого мужа... То есть потому... А вообще-то у меня самой муж намного старше меня, почти на двенадцать лет...

Аня совсем смутилась, замолчала и с ужасом почувствовала, как запылало лицо. Она знала, что краснеет всегда очень некрасиво. У других это получается как-то мило и трогательно

– просто губы становятся темнее, щёчки заливает яркий румянец, ну, в крайнем случае – ещё кончики ушей розовеют. А она краснела вся сразу, даже веки краснели, даже нос, лоб и уши, и никакие не кончики, а всё целиком. Вадик говорил, что это признак патологии сосудистой системы. Вадик когда-то серьёзно интересовался сосудистой системой. Предполагалось, что о сосудистой системе он знает всё. Конечно, человека, который на первом же собеседовании демонстрирует не только неприличное любопытство, но ещё и такую некрасивую патологию своей сосудистой системы, никто и не подумает принимать на работу...

– Сандро младше Давида на восемнадцать лет, – весело сказала дама, с затаённой улыбкой разглядывая патологию Аниной сосудистой системы. – Моему мужу пятьдесят два года. Он старше меня на пять лет. Значит, мне сорок семь. Ты это хотела знать?

– Сорок семь?! Ой, да ладно... – Аня поперхнулась, закашлялась и поняла, что её сосудистая система продемонстрировала сейчас всю необратимость своей патологии – вон, даже руки, кажется, розовеют... – Извините... Я просто очень удивилась. Моей маме сорок девять, а она... То есть она тоже очень красивая и выглядит молодо, это абсолютно все говорят, я сама слышала – ей больше сорока никто не даёт. Но все-таки сорок, а не тридцать! Так не бывает.

Дама опять тихо засмеялась, сбросила ноги с дивана, хлопнула себя по прекрасным коленкам прекрасными ладонями и с живым интересом спросила:

– Ты всегда со всеми так разговариваешь?

– Всегда, со всеми, – обречённо призналась Аня, мгновенно теряя последнюю надежду устроиться на работу «с проживанием». – Муж говорит, что я не умею общаться с людьми. Лишнее болтаю. И поэтому все сразу думают, что я... ну, не слишком умная.

Вадик когда-то серьёзно интересовался межличностным общением. Предполагалось, что он в межличностном общении достиг невиданных высот. Или глубин?.. Он и Аню пытался хоть чему-нибудь научить, но очень скоро отчаялся, потому что она так и не смогла понять ни одного приёма межличностного общения. Общалась, как бог на душу положит, со всеми одинаково – и со слесарем, который приходил чинить кран, и с профессором, который жил в соседнем подъезде, и с директором типографии, где она работала, и с писателями, книжки которых корректировала, и с бомжами, которые ждали во дворе, когда она вынесет им кастрюльку горячего супа, средство от блох и лекарство от простуды. После того, как Вадик однажды услышал, как она говорит по телефону – он думал, что с подружкой, а оказалось – с пресс-секретарем губернатора! – он потерял терпение и закричал: «Как ты не понимаешь?! Со всеми одинаково разговаривать нельзя!» Она растерялась и глупо спросила: «Почему?» Вадик не ответил, махнул рукой и пошел читать руководство по межличностному общению. Потом она заглянула в это руководство. Оно начиналось словами: «Если вы хотите, чтобы люди вас уважали, прежде всего научитесь сами уважать себя». На первой же странице было полсотни грамматических, стилистических и даже фактических ошибок, и она не стала читать дальше. Автор себя явно не уважал. И издатели себя не уважали. Ну и чему она будет учиться у таких неуважаемых людей?

– А ты что думаешь? – с тем же интересом спросила дама. – Ты слишком умная?

– Бывают и поумней, – рассеянно ответила Аня, думая только о том, что из-за своего нежелания учиться у тех неуважаемых людей ей, кажется, не светит работа «с проживанием»... Спихватилась и с надеждой добавила: – Но и поглупей бывают. Я где-то в середине... Зато готовить умею. Очень хорошо готовлю, правда-правда, это абсолютно все говорят. Даже из какой-нибудь ерунды могу такой обед сделать – хоть президента угощай! Главное – буквально на копейки, а всё равно вкусно.

– На копейки – это как?

Дама явно веселилась. Наверное, не поверила. Вообще-то правильно не поверила, на копейки обед приготовить сложновато. Для нормального обеда хотя бы сорок рублей надо.

– Нет, не совсем на копейки, – торопливо поправилась Аня. – Но на сорок рублей уже хороший обед приготовить можно. Если, конечно, не на толпу гостей... А на пятьдесят рублей

– это вообще царский получится! И с пирожками, если тесто не готовое покупать, а самой сделать. Гораздо экономней будет.

Дама захохотала. Раньше она тихо смеялась, а сейчас вдруг захохотала во всё горло, запрокинув голову и зажмурив глаза. И прижав к груди прекрасную руку с прекрасным браслетом. Бриллиантовым. Аня почувствовала себя круглой душой. Что она там врала про то, что и поглупей бывают, а она где-то в серединке? Вадик говорил, что на эволюционной лестнице Аня одной ногой стоит на ступеньке с кошкой, а другой – на ступеньке с говорящим попугаем. Ане казалось, что эти ступеньки расположены совсем на разных лестницах. Но Вадик когда-то серьёзно интересовался эволюционной лестницей. Подразумевалось, что он-то стоит на самой верхней ступеньке, а сверху ему лучше видеть, где стоят остальные...

– Прелесть какая, – отсмеявшись, сказала дама и потрогала прекрасными руками лицо – тоже вполне прекрасное. – Давно я так не смеялась. Теперь морщины будут... У тебя справка есть? А, да, ты же раньше в домах не работала, откуда у тебя справка... Надо взять. Сходи в поликлинику, скажи, что нужна справка о состоянии здоровья для приёма на работу. У тебя никаких хронических заболеваний нет?

– Никаких заболеваний нет! – Аня почувствовала, как возрождается надежда на «проживание». – У меня вообще никаких заболеваний нет, ни хронических, ни остальных... А вот справка как раз и есть. То есть много справок, от всех врачей. Только я не знаю, подойдут вам такие или нет... Это мы с девочками в бассейн хотели записаться, а там медицинская справка нужна. Я в поликлинику пришла, а врач говорит: раз ты у нас не записана, придётся всех врачей обойти, и все анализы сдать, и флюорограмму сделать, и кардиограмму, и ещё что-то, я уже названий не помню... Всем девочкам справки сразу дали, потому что они были давно в этой поликлинике записаны и раньше уже лечились от чего-нибудь, у них у всех такие журналы есть, где про их состояние здоровья всё записано... Медицинские карты, кажется. А у меня ничего не было, вот я на эти справки больше двух недель и потратила. А в бассейн всё равно не пошла. Как раз очень много работы насыпалось... Времени не стало.

– Так ты бы в ту поликлинику сходила, где записана, – сказала дама, наверное удивляясь её глупости. – Туда, где раньше лечилась.

– А я нигде не была записана, – объяснила Аня. – Я ни от чего не лечилась. Не болела никогда... Ой, нет, вру! Мама говорила, что в детстве я корью болела. Но это в другом городе было. И никаких медицинских документов не осталось.

– Так, – задумчиво сказала дама. – Понятно, корью. В детстве. Очень интересно... А сейчас у тебя что-нибудь нашли? Ну, те врачи, которых ты две недели обходила?

– Да никто ничего не нашёл, – с досадой ответила Аня. – Только время потеряла. И написали все одно и то же: «практически здорова». Странные какие-то... Как будто можно быть здоровой теоретически. Только зубная врачиха предложила зуб переделать, но я не согласилась. Тогда она тоже написала «практически здорова».

– А что с зубом?

– Кривой немножко... – Аня оттянула пальцем верхнюю губу и продемонстрировала немножко криво выросший зуб, который ей не мешал, а посторонние о нём ничего не знали, потому что зуб не был виден даже тогда, когда она улыбалась.

– Это что такое – тебе даже зубы ни разу не лечили? – удивилась дама.

– А зачем их лечить? – тоже удивилась Аня. – Они же здоровые. И практически, и теоретически. Я в бабушку. Ей уже семьдесят через два месяца будет, а зубы ни разу в жизни не болели. Здорово, да?

– Не то слово, – согласилась дама, вздохнула и подержалась прекрасной рукой за свою тоже прекрасную челюсть. – Слушай, а что ты с Анютой и её няней во дворе делала? Я в окно видела. Не поняла ничего. Сначала они тебя ждали, потом ты вошла, только-только к

ним присоединилась, а няня Анюту схватила – и бегом в дом. Это что-нибудь означает? Я заинтригована.

– Это я желание загадывала, – смущённо призналась Аня. – Зелёную девушку тоже Анной зовут. Ну вот... Надо встать между тёзками и загадать желание. Суеверие, конечно, но, может быть, правда сбудется?..

– А что ты загадала? – вдруг как-то жадно спросила дама. – Говори скорее, ну!..

– Чтобы мама... – Аня спохватилась, замолчала, вздохнула и виновато объяснила: – Совсем забыла: желание нельзя говорить вслух, а то не сбудется. Нет, я понимаю, что суеверие, но всё равно...

– У тебя документы с собой? – опять очень деловым и даже холодноватым тоном заговорила дама. – Паспорт. Давай сюда. Давай, давай... Время идет, а мне ещё в два места заехать надо.

Аня торопливо полезла в сумку, вынула паспорт, уже почти протянула его даме, но вспомнила о двух десятках и записке, вытряхнула их в сумку, стараясь сделать это незаметно, а потом уже отдала паспорт. А потом с недоумением смотрела на то, что дама делает, – раскрывает Анин паспорт, берёт свой сотовый и зачем-то подносит его к каждой страничке. Перелистывает паспорт – и к новой страничке опять подносит свой сотовый...

А! Это у нее телефон с фотоаппаратом. А зачем паспорт фотографировать?

Дама подняла голову, заметила непонимающий Анин взгляд, буднично объяснила:

– Нечего ждать, когда ты копии сделаешь... Завтра договор составим. Я здесь ещё два дня буду, успею тебя в курс дела ввести. Приходи в это же время. Можешь сразу вещи привезти.

Протянула Ане паспорт и нацелилась на неё своим телефоном.

– Так это что?..

Аня хотела спросить: «Я принята?» – но не решилась. Чтобы не сглазить. Суеверие, конечно, но всё-таки... Она подумала, как можно сформулировать вопрос, чтобы и судьбу не искушать, и самой не мучиться неопределенностью, и осторожно спросила:

– Так я вам... э-э-э... могу подойти? То есть я хотела сказать: вы мою кандидатуру... э-э-э... будете рассматривать?

– Я уже рассмотрела, – сказала дама и опять нацелилась на Аню своим телефоном. – Закрой на минутку рот... Вот так, хорошо. Да, ты нам подходишь. Может, мне открыть агентство по подбору персонала? По-моему, у меня талант. Опять рот закрой... Хотя время покажет. Но если я всё правильно понимаю, то с царя Давида причитается бутылка.

– А почему вы его царём называете?

– Потому, что он самодержец всей семьи, – с плохо скрытой досадой сказала дама. – Царствует как хочет – вот потому и царь... Да не радуйся ты так, может быть, через месяц сама расчёт попросишь. Я, правда, не знаю, как он с прислугой... Вроде бы никто не жаловался. Но ведь здесь никого из родни не будет, так что может и перед тобой начать характер показывать. А характер у него... Нет, ты не бойся, там никакой патологии. Но человек он упрямый и... авторитарный. Привык, чтобы его слушались. Правда, никогда не требует ничего... нелепого. Не самодур, нет. Умный человек. Открытый. Очень не любит хитрых... Скажи, ты хитрая?

Сердце у Ани упало. Вадик когда-то серьёзно интересовался поведенческими стереотипами и в то время часто рассказывал Ане, о каких чертах характера свидетельствуют её поведенческие стереотипы. Убедительнее всего её поведенческие стереотипы свидетельствовали о хитрости, скрытности и вероломстве. И о жестокосердии, конечно. Наверное, лучше сразу признаться. Вдруг дама тоже интересовалась поведенческими стереотипами? Тогда она тоже может прийти к таким выводам. Нет, лучше признаться самой.

– Муж считает, что я хитрая, – призналась Аня. – Он сказал, что по поведенческим стереотипам это вычислил. А по каким – не сказал.

– Муж у тебя кто? – с непонятной интонацией спросила дама.

– Вообще-то он в институте культуры учился. Но потом почти сразу в музее стал работать. В краеведческом... А сейчас вот бизнесом занялся. Диски будет продавать.

– Это он зря, – серьёзно сказала дама. – С его проницательностью в бизнесе делать нечего. Сидел бы в своем музее, горя бы не знал. Что ж ты ему не подсказала? Хотя да, вы же разводитесь... Ты долго замужем была?

– Долго... – Аня неожиданно для себя хлюпнула носом. Помолчала, проглотила подступивший к горлу комок и уже спокойно добавила: – Почти три года.

– Действительно долго, – согласилась дама. – Я думала – пару месяцев. Ну у тебя и характер!.. Три года терпеть – это... Не многим удаётся не сломаться. Железо, а не характер.

Аня смотрела на даму недоверчиво. Вадик говорил, что у Ани вообще никакого характера нет. Он когда-то серьёзно интересовался характерами, так что подразумевалось, что он знает, о чём говорит. А насчёт «не сломаться» – так это как раз понятно. Чему ломаться, если никакого характера нет? Нечему.

– Завтра в это же время, – строго сказала дама. – На всякий случай справки принеси. Эти, для бассейна. Подписываем договор – и сразу приступаешь к работе. И вот ещё что... Ведь муж не знает, что ты уходишь, да? Не знает. Так вот, если с ним будут какие-нибудь проблемы – звони. Ты меня поняла?

– Да... – Аня не без труда вылезла из низкого мягкого кресла и неловко затопталась, потихоньку отступая к арке. – Спасибо вам. Муж ещё ничего не знает, но проблем, скорее всего, не будет. Какие там проблемы... Общего имущества у нас нет. Детей нет. Ничего нет. Спасибо вам, но даже если что – я сама справлюсь.

– А, гордая, – догадалась дама и тоже поднялась. – Ладно, сама так сама... А выход сама не найдёшь. Забыла, как сюда шли, да? Ну, пойдем, покажу...

Глава 2

На самом деле проблемы, конечно, были, но совсем не так много, как Аня ожидала. Она-то за последний месяц совсем извелась, ночей не спала, придумывая, как сказать Вадику, что она подаёт на развод, что уходит от него... Даже ещё не знала, куда ей идти, звонила и бегала по объявлениям о сдаче квартир и комнат, каждый раз убеждалась, что её заработков не хватит, чтобы и комнату хоть какую-нибудь снимать, и на жизнь оставалось, – но и тогда, почти отчаявшись, почти решившись идти к директору типографии и просить его помочь устроить её в какое-нибудь общежитие, Аня твёрдо знала, что всё равно уйдет. Куда угодно, хоть на улицу. Будет ночевать в зале ожидания на вокзале. Или вообще на скамейке в парке. Она почему-то не боялась хулиганов и бандитов. Тем более – бомжей. Она была знакома с несколькими бомжами, можно сказать – даже дружила... Чего их бояться? Обыкновенные люди, просто им не повезло больше, чем другим. Ей вот тоже не повезло, хотя, конечно, не так сильно. У неё есть несколько подружек... Ну, не то, чтобы подружек – чтобы быть подружками, надо общаться, в гости друг к другу ходить... Вадик был категорически против гостей, и сам в гости не ходил – вообще-то его и не приглашали, – и Аню никуда не пускал – жене без мужа по гостям ходить неприлично. Вот так и получилось, что более-менее близких подружек у Ани не образовалось. Но девочки с работы все относились к ней хорошо. Даже очень хорошо. Охотно забегали в корректорскую попить чайку, поболтать о всяких глупостях, похвастаться обновкой, пожаловаться на начальников. Обязательно чем-нибудь угощали, потому что она считалась тощей – это никому не нравилось. А всё остальное нравилось. Ну, может быть, не всё, а главным образом то, что она никогда ни с кем не ссорилась и всегда помогала другим корректорам. Не надо было лезть в словарь, можно было просто спросить Аню: как, мол, это слово пишется? И она сразу отвечала, тоже не заглядывая в словарь. Ей не трудно, а у других сколько времени экономится! В общем, на работе она себя одинокой не чувствовала. Даже если и не очень близкие подружки, то всё равно хорошие девочки. Приятельницы. С серьёзными проблемами к ним за помощью обращаться, конечно, неудобно, но с чем-нибудь не очень обременительным – это, наверное, можно. Например, попросить разрешения в ванне помыться. Ни у одного бомжа нет такой возможности... Или вот ещё роскошная возможность – вещи свои у кого-нибудь из девочек на время оставить. Хотя вещей у неё было немного, но не таскать же их всегда с собой... И ещё у неё была работа – замечательная работа, и даже не так потому, что это – верный кусок хлеба, как потому, что работала Аня в таком здании. Здание типографии построили лет пятьдесят назад, конечно, с учётом тогдашних издательских технологий, с огромными помещениями для линотипов и талеров, массой комнаток для газетных корректоров, выпускающих редакторов и дежурных по номеру, с толстенными стенами, с окнами во всю стену, потолками почти на пятиметровой высоте, с душевыми, где никогда не отключали горячую воду, с телефонами в каждой корректорской, с хорошей столовой в полуподвале... Когда стали переходить на компьютерную верстку, талеры, линотипы и всякие другие громоздкие агрегаты убрали, освободились огромные залы. И маленькие комнаты освободились – все газеты обзавелись компьютерами, в типографию отдавали готовую вёрстку в электронном виде, корректоры уже сидели не в типографии, а в редакциях. А корректорам типографии остались несколько мелких районных и ведомственных газет, редакторы которых не догадывались, что можно верстаться и читаться своими силами, книги местных писателей – главным образом о губернаторе, – и много всяких плакатов, листовок, брошюр, буклетов и календарей – как правило, поближе к выборам таких заказов поступали сотни. Ещё были две очень жёлтые газеты из соседней области. Там они считались оппозиционными, поэтому тамошние типографии их делать не брались. Аня знала, что две местные очень жёлтые газеты, которые здесь объявили себя оппозиционными, печатаются в соседней области, потому что местная типография отказывалась их делать.

Самому директору типографии в голову бы не пришло отказываться от заказа. Говорили, что это губернатор посоветовал такой заказ не брать. Директор к совету умного человека прислушался, потому что и сам дураком не был. Рыночные отношения, конечно, самоокупаемость и всё такое, но типография до сих пор называлась областной, и считалось, что командовать ею должна областная администрация. Если бы типография была частной, всем этим пустующим залам, кабинетам, комнатам, закоулкам, подсобкам, складам, душевым и столовой частник в момент нашел бы применение. А так они пустовали себе спокойно, и в случае крайней необходимости Аня могла бы переночевать и здесь, в любой из комнат, где есть диван, электрический чайник и работающий телефон. А диван, чайник и телефон до сих пор были практически в каждой комнате. И ещё много шкафов было. Из них постепенно вытрясли старые подшивки и скатки контрольной корректуры, и шкафы стояли пустые. Некоторые вещи Аня уже перенесла из дома на работу и сложила в этих шкафах. Всё-таки ей очень повезло с работой. Ни один бомж и не мечтает о таких возможностях.

А уж на совсем крайний случай была ещё Алина. Вот Алина была, можно сказать, настоящей подругой. К тому же у неё было жильё – старенький частный дом, хоть и почти развалоха, зато там было аж три комнаты. И газ был подведён, и вода, так что отсутствие остальных удобств вполне можно простить. Алина приютила бы Аню с удовольствием, даже с восторгом. Но Аня понимала, что к Алине она пойдёт жить только действительно в крайнем случае. В том случае, если все скамейки в парке окажутся на ночь заняты другими бомжами. Потому что в трёх крошечных комнатках старенького дома Алины постоянно кучковался народ, круглые сутки, летом и зимой, без сна и отдыха... Народ был всё больше творческий, всё больше непризнанные гении из тех, кого не приняли в союз писателей, союз художников или ещё какой-нибудь союз, поэтому никто их книжки не издавал, никто их картины не выставял и никто их музыку не слушал. Вот им и приходилось всё это читать, показывать и исполнять друг другу в Алинином доме. Алине они не мешали и даже нравились, потому что Алина сама была поэтессой и непризнанным гением, ей тоже нужно было свои стихи кому-нибудь читать. К тому же Алина была сумасшедшей, настоящей сумасшедшей, а не в расхожем смысле слова, – вторая группа инвалидности по поводу шизофрении. На пенсию по инвалидности жить было невозможно, а непризнанные гении всегда приносили еду, а иногда даже и из вещей что-нибудь нужное – кружку, ложку, полотенце... Тётки из каких-то официальных инстанций тоже иногда приносили еду – сахар, муку и макароны, – а пару раз привезли огромные тюки гуманитарной помощи. Конечно, в тюках были и рваные носки, и прожженные нейлоновые рубахи, и даже кирпичи, упакованные в блестящую бумагу с сердечками и перевязанные золотистой ленточкой с пышными бантиками. Много всякой дряни было, как же без этого. Но было и полезное, почти новое, качественное и даже стильное. Один раз попались зимние сапоги – натуральная кожа, натуральный мех, толстая подошва, ни единого заметного изъяна. Алина пошла в церковь и поставила свечку за упокой души бывшей владелицы сапог, потому что была уверена, что любой человек, будь он хоть трижды миллионером, с такими сапогами не расстался бы до конца жизни. Алина эти сапоги уже четыре зимы носила. А Аня носила белый плащ. Американский, модный, совсем новый – когда Алина обнаружила его в гуманитарной помощи среди рваных носков и прожжённых нейлоновых рубах, на нём даже ценник не был срезан. С какой стати его не заметили те, кто собирал гуманитарную помощь для инвалидов, – совершенно непонятно. Наверное, потому, что плащ был запаян в пластиковый пакет, сквозь прозрачную сторону пакета выглядел как туго свернутая простыня, разрезать пакет всем было лень, а простыня никому не нужна была. Вот так плащ и попал к Алине в дополнение к рваным носкам и прожжённой нейлоновой рубаше. А Алина не стала его продавать, хоть у нее и выпрашивала одна соседка, а подарила плащ Ане. Они тогда уже дружили. Познакомились немножко раньше, когда Аня взялась корректировать Алинин стихотворный сборник. Это получилось случайно. Аня тогда училась ещё на первом курсе. Однажды в институт пришёл местный издатель и стал

приставать ко всем преподавателям, уговаривая их откорректировать книжку стихов одной местной поэтессы, очень талантливой, но нищей. Преподаватели презрительно отказывались. Издатель расстраивался и ругался. Аня познакомилась с издателем, посмотрела книжку – тридцать шесть страниц, говорить не о чем – и сказала, что к завтрашнему утру вычитает вёрстку. Стихи были очень разные, некоторые – откровенный бред, некоторые – как тёмный булыжник с мерцающими вкраплениями драгоценных камней, некоторые – как речь ребёнка, который только учится говорить. Но у автора был слух. Все стихи можно было петь. И у каждого стихотворения была своя мелодия, правда, у некоторых – совершенно сумасшедшая. Отдавая правку издателю, на его вопрос о впечатлении Аня осторожно сказала:

– Стихи какие-то совсем разные. Странная поэтесса.

– Еще бы не странная! – с готовностью ответил издатель. – У неё шизофрения. Я точно знаю, я с ней в дурдоме познакомился.

– А вы как там оказались? – Аня ни за что не спросила бы, если бы не была уверена, что издатель так шутит.

– Как все, – с той же веселой готовностью сказал издатель. – Связали, привезли и лечить стали.

– Тоже от шизофрении? – поддержала она шутку.

– Если бы... – с сожалением сказал издатель. – Нет, не от благородной шизофрении...

От алкоголизма меня лечили.

Идиоты. Все знают, что алкоголизм неизлечим, а они туда же... А Алина посмотрела на меня сумасшедшими глазами – знаешь, как сумасшедшие умеют смотреть? Жуть! И говорит: «Год будешь трезвым – получится то, о чём мечтал вчера. Два года будешь трезвым – надежда не умрёт. Всегда будешь трезвым – сделаешь всё». Я, конечно, не понял ничего. Чего там понимать – сумасшедшая же... Четвёртый год не пью, представляешь? За первый год своё издательство раскрутил. С нуля! Как раз перед тем запоем бредил: если бы у меня свое издательство было, хренушки меня с работы выперли бы. Вспомнил, что сумасшедшая говорила – смеялся. Мало ли какие совпадения бывают. А полтора года назад Наденьку встретил. Когда поженились – дошло: жену-то у меня Надеждой зовут! Прямо как кипятком окатило... Это что значит: если вдруг запью – Наденька умрёт? Нашел эту Алину, ездил к ней, спрашивал – не помнит, что говорила. Вот ведь, а!.. Смеялась даже. Говорит: «Чего ты боишься? Не пей – и бояться не надо будет». Она, когда не в больнице, – совершенно нормальная. Даже мудрая... Я её стихи на свои деньги выпускаю. Ей приятно будет, а я не обеднею.

Алине действительно было приятно. И издатель уж наверняка не обеднел: тоненькая тетрабочка в мягкой обложке, тираж сто экземпляров. Один из этих экземпляров Алина потом подарила Ане. Написала почти нечитаемым почерком: «Ангелоликой Аннушке, ангелу небесному, ангелоподобному другу моему!» И поставила закорючку, похожую на стилизованный цветок. Аня эту книжечку с автографом автора никому не показывала – стеснялась. Но когда натыкалась на неё в своих бумагах, то каждый раз перечитывала неразборчивые строчки с чувством тёплой благодарности. Всё-таки её не каждый день называли ангелоликой и ангелоподобной. Честно говоря, никто никогда не называл. Кроме Алины, инвалида второй группы... Но подружились они совсем не потому, что Аня бесплатно корректировала первую – и единственную – книжку Алины, и не потому, что Алина назвала Аню ангелом небесным. Они уже потом подружились, а почему – неизвестно. Как-то так получилось, что Алина стала время от времени забегать к Ане в общежитие, всегда с каким-нибудь гостинчиком – пакет муки, пачка сахара, мешочек какой-нибудь крупы... И морковка, лук, кабачки со своего огорода. И яблоки. Возле её дома росли две яблони, а яблок было больше, чем у всех соседей, у которых были настоящие большие сады. В общежитии Алину встречали хорошо, на чудачества внимания не обращали, даже не смеялись, когда она с дикой интонацией читала свои стихи. Потому что все жили туговато, а иногда – и вовсе голодно, и гостинчики Алины были манной небесной.

А когда Алину забирали в больницу – Аня её навещала, тоже с гостинчиками. На гостинчик для Алины сбрасывался весь этаж, но в больницу ходила только Аня. И пока Алина лежала в больнице, домой к ней тоже ходила. Разгоняла непризнанных гениев, которые, как правило, отсутствия хозяйки не замечали. Потом всё мыла, чистила, стирала, приводила в порядок. К выписке Алины из больницы готовила праздничный обед только для неё одной. Забирала её из больницы, привозила в чистый дом, кормила обедом, рассказывала, что делала в доме и в огороде, а потом уезжала. А потом Алина начинала ездить в общежитие с гостинчиками. Когда Аня стала зарабатывать, то уже сама ездила к Алине с гостинчиками. Вадика Алина видела один раз – незадолго до свадьбы случайно встретила их на улице. В гости к ним никогда не приходила. Впрочем, к ним никто в гости не приходил... И к себе их вдвоём никогда не приглашала. Аню приглашала часто. Однажды сказала:

– Если что – сразу ко мне. В любое время дня и ночи. И живи сколько хочешь, ангел мой. Я тебе комнату освобожу, никто лезть не будет. Ничего, потеснятся мои гении. Поняла?

Аня ничего не ответила, но всё поняла. То есть поняла, что Алина всё понимает. И, как всегда, готова прийти на помощь.

Но к Алине она пошла бы в самом-самом крайнем случае. Гениев своих Алина, конечно, потеснила бы, освободив для Ани одну комнату. И потеснённые гении за фанерной перегородкой точно так же, как всегда, днём и ночью, летом и зимой, кричали бы, пели, спорили, хохотали и плакали. Алине они не мешали, потому что тоже нуждались в помощи. Алина – вот кто действительно был ангелом небесным. Со второй группой инвалидности. Как-то очень уж сильно судьба здесь насвинячила.

...Когда Аня вернулась после собеседования домой, Вадик был уже там. Сидел на старом табурете за кухонным столом, читал газету бесплатных объявлений, которую она забыла спрятать перед уходом, сосал пиво из банки. Поднял от газеты нос, уставился на неё поверх очков, раздражённо поинтересовался:

– Где тебя носит? Четвёртый час! Ни обеда, ничего... Устаю, как собака, прихожу в пустой дом!

Аня мимоходом подумала, что дом он сам опустошил, а устаёт вообще неизвестно от чего, но вслух спокойно, как всегда, сказала:

– У меня работа, я весь день дома сидеть не могу. И так стараюсь как можно раньше освободиться... Обед в холодильнике, я же тебе утром говорила. Но ты ведь всё равно в последнее время в ресторане обедаешь.

– Это мое дело, где я обедаю! – Вадик накалялся на глазах, а когда он накалялся, то начинал говорить очень медленно и почему-то шепеляво. – У меня! Серьёзный! Биззнесс! Он требует контактов! У неё, видите ли, работа! Ты что сравниваешь?! Работа у неё! Буковки ковырять! Запятые рисовать! Сидит целый день, запятые рисует!

Аня подумала, что сидит она не только целый день, но иногда и целую ночь, но вслух этого опять говорить не стала, вслух спросила:

– Обедать будешь? Вынимать всё из холодильника?

– Ты меня вообще не слушаешь? – помолчав, совсем медленно и очень зловеще поинтересовался Вадик. – Иди сюда и слушай, что я тебе говорю! Я устаю! У меня бизнес! А она со своим обедом! У тебя что – больше одной мысли в голове не помещается?

– Помещается, – неожиданно для себя сказала Аня и решительно направилась в кухню. – Две мысли помещаются. Первая: чем тебя кормить? Вторая: почему ты не догадываешься, что...

Она не успела договорить «что мне тоже иногда хочется есть». Потому что как раз вошла в кухню и удивилась: холодильника не было. На том месте, где он раньше стоял, на полу была расстелена газета, а на газете стояли кастрюли, банки, сковорода и бутылка кетчупа, лежали два огурца, помидор, пачка сливочного масла и завёрнутый в целлофан кусок замороженного

мяса. Мясо было уже не слишком замороженное, газета под ним уже намокла. Аня больше всего огорчилась почему-то из-за этого пропадающего на глазах мяса. Она-то надеялась, что его на неделю хватит. Может быть, даже на полторы, если готовить изобретательно и экономно.

– Холодильник пришлось продать, – хмуро сказал Вадик, минутку послушав её молчание и наконец догадавшись о его причинах. – Мне деньги срочно понадобились. Непредвиденные расходы.

Он говорил уже спокойно и даже небрежно. Аня почувствовала, что, кажется, начинает злиться. Чувство было незнакомым, поэтому с полной уверенностью она не стала бы утверждать, что именно злится, а не что-нибудь ещё... Одна из верстальщиц часто говорила: «Я так злюсь – прям по морде бы смазала». Аня не могла представить, как она смажет кого-то по морде. Даже Вадика. Наверное, всё-таки не злится. Или злится, но не очень сильно. Не достаточно, чтобы совершить такой дикий поступок.

– Я же тебе вчера семь тысяч отдала, – машинально пробормотала она, всё ещё пытаюсь определить, злится она или что-нибудь ещё. – Ты же говорил, что у тебя вчера непредвиденные расходы были.

– Это бизнес! – внушительно сказал Вадик и ещё внушительней потряс пивной банкой. – Это солидное дело! Это тебе не запятые рисовать! И что такое семь тысяч? Копейки.

– Это была вся моя зарплата, – объяснила Аня. – Больше у меня ничего нет. И до следующей зарплаты не будет. Долго ещё, почти месяц.

– Ну и чем ты думаешь? – возмутился Вадик. – Целый месяц! А чем мне ссуду погашать? Возьми срочную работу.

– А как я срочную сделаю? – удивилась она. – Без компьютера срочно не получится. Опять придётся распечатки туда-сюда таскать.

– Вот только не надо опять про компьютер, – обиделся Вадик. – Мне эти твои отмазки уже надоели. Наши бабки без компьютеров жили – и ничего, умели хозяйство вести.

– Так и наши деды компьютерными дисками не брались торговать. И ничего, умели работать. И зарабатывать.

Аня тут же пожалела, что ляпнула такое. Это было бестактно. Разве можно упрекать человека в том, что у него что-то не получается? В данном случае Вадик будет прав, если обидится.

Как ни странно, именно в данном случае Вадик почему-то совсем не обиделся. Даже снисходительно усмехнулся, глотнул из банки пива, мечтательно сказал:

– Ну-у-у, наши де-е-еды... Какое время было, а? Какое время было! Да я бы в то время на месте деда знаешь, кем был бы?

Ане всегда казалось, что в то время Вадик был бы тем же, чем был его дед, – инструктором райкома партии в богом забытом районе на самом краю области. А может быть, и не был бы. Может быть, перессорился бы со всем райкомом, как ухитрился перессориться со всем своим краеведческим музеем, – и ушёл бы, гордо хлопнув дверью. Хотя в то время, кажется, из райкомов партии по собственному желанию не уходили... Тем более – в бизнес. Бизнеса тогда не было, даже малого.

Она, пользуясь мечтательным настроением Вадика, рискнула сделать вид, будто он разрешил ей уйти, и пошла в комнату переодеваться. Вадик её не остановил – уже хорошо. И за ней не пошёл – ещё лучше. Но говорить не перестал. Предполагалось, что она и так должна слышать каждое его слово.

Она и слышала. Торопливо стаскивала штаны и майку, вешала их на верёвку, натянутую вдоль стены – шкафы Вадик продал ещё два месяца назад, – ещё торопливей натягивала старый домашний халат – боялась, что Вадик увидит её полуголой, вот комментариев будет! – а сама слушала, как он, не повышая голоса, говорит и говорит что-то о невиданных возможностях карьерного роста и повышения материального благосостояния, которые в то время просто

носились в воздухе и сами падали в руки. Возможности носились и падали. Вадик говорил увлечённо, упоминал массу подробностей и приводил массу примеров... Наверное, он когда-то серьёзно интересовался возможностями того времени, потому что долго говорил. Она успела не только переодеться, но и под шумок сложить кое-что из своих вещей в приготовленную ещё вчера коробку. Она уже заклеивала коробку скотчем, когда Вадик вошёл в комнату, досказывая заключительную часть своей речи:

– Разное время – разные возможности, понятно? Так что придётся нам поднапрячься. И насчёт компьютера не заморачивайся. У вас в типографии этих компьютеров по всем углам наткано. Срочную работу не обязательно домой тащить. Сиди там за любым компьютером – и читай в свое удовольствие.

– Кто ж меня пустит за свой компьютер? – удивилась Аня. – Лишних у нас нет. За каждым человек работает.

– Если бы ты умела общаться с людьми, таких надуманных проблем не возникало бы, – нравоучительно сказал Вадик. – Главное – это уметь просить так, чтобы тебе не смогли отказать. Но ты и этого не умеешь. Не захотела учиться приёмам межличностного общения – вот теперь и пожинаешь плоды своей лени и легкомыслия.

– Чьего легкомыслия? – по корректорской привычке спросила Аня. И пожалела, что спросила. Вопрос получился двусмысленный. С подвохом.

– Своего легкомыслия! – Вадик подвоха не заметил. – Ну, теперь что говорить... Ладно, ты и без компьютера как-то обходишься, так что не надо больше отговорок, мне это всё уже надоело. Надо думать, как ещё заработать можно. Думай... А что это за коробки ты опять по всем углам распахиваешь? Не дом, а склад какой-то. Всё-таки за порядком хоть немножко надо следить! Согласись, я многого не требую! Но в своём доме я имею право рассчитывать на уют и чистоту! А тут вон чего – поразвешала всё на верёвках, коробки какие-то под ногами...

Вадик хмурился, брезгливо поджимал губы и тыкал в разные стороны указующим перстом, но было понятно, что до верёвок и коробок ему никакого дела нет – так, по привычке склочничает. Он даже и ответа, наверное, никакого не ждал. Но Аня ответила:

– Шкафа нет, вот на верёвку вешать и приходится. В коробке – кое-что из моей одежды, завтра унесу, а то здесь правда уже некуда положить. А дополнительную работу я только что нашла. Завтра договор подписываю – и сразу приступаю.

– Другое дело, – сразу заметно повеселел Вадик. – А деньги когда будут? А то ещё коммунальные платежи... Три месяца за квартиру не платили. Отключат свет, газ, воду – чего хорошего?

– Ничего хорошего, – согласилась Аня. – А почему ты три месяца не платил? У меня деньги не скоро будут.

– У тебя никогда денег скоро не бывает, – опять начал раздражаться Вадик. – Почему не платил! Потому что в бизнес всё приходится вкладывать! Ты мне лучше скажи, сколько тебе за эту новую работу платить будут.

– А почему ты не спрашиваешь, что это за работа?

– Да какая разница... Наверное, опять запятые рисовать, что ты ещё умеешь.

– Нет... – Аня решила, что самое время сказать всё. – Нет, запятые рисовать не надо будет. Меня берут домработницей в одну семью. Вернее, семья берёт домработницу для своего патриарха. Семидесятилетний старик в инвалидной коляске, его без присмотра оставлять нельзя, поэтому мне придётся всё время жить там.

– Ничего себе! – возмутился Вадик. – Ты будешь жить там, а я буду коммунальные за тебя платить!

И это всё, чем он недоволен? Замечательно.

– И это решаемый вопрос, – рассудительно сказала Аня. – Если я выпишусь из твоей квартиры – то тебе придётся платить в два раза меньше. На пятьдесят процентов меньше! Прямая выгода.

– А как тебя выпишут? – Вадик явно был зачарован перспективами такой экономии. – Не выпишут тебя без причины... Придётся взятку кому-то давать, так что всё равно расход.

– Когда мы разведёмся – без всяких взяток выпишут, – опять очень рассудительно и спокойно сказала Аня. Внутри у неё всё дрожало. – Я этой проблемой уже серьёзно интересовалась. Все оргвопросы и все связанные с этим расходы я беру на себя, об этом ты можешь не думать.

– Я и не собираюсь об этом думать, – гордо заявил Вадик. – Мне о постороннем думать некогда. У меня серьёзный бизнес... Да, мне же сейчас уйти надо! Деловая встреча. А я тут с тобой о ерунде всякой болтаю... Приду поздно, так что ужин можешь не готовить.

Он неторопливо оделся, придираясь к каждой складке на рубашке: «А я говорю, что не глажена! А если глажена, то плохо! Ещё раз погладь! Нет, не гладь, некогда уже, опаздываю!» Долго выбирал парфюм: «Пожалуй, в жару это не стоит... Хотя я допоздна буду, так что ничего, вечером в самый раз...»

Долго осматривал ногти: «Не длинноваты? Может, слегка подпилить? Хотя ладно, слишком короткие – это тоже незачем, подумают, что обгрызенные». Долго проверял, всё ли нужное взял: «Найди быстро чистый платок. Ты куда все носовые платки положила? Ничего в этом доме на месте не лежит». Посмотрел, сколько на счете мобильного, огорчённо цыкнул зубом, полез в бумажник, стал озабоченно пересчитывать деньги. Денег было много – штук пять тысячных, несколько пятисотенных и довольно толстенная пачка сотенных. Кажется, там что-то и долларовое мелькнуло, но какая теперь разница... Впрочем, никакой разницы никогда не было.

– Ты мне не дашь немножко денег? – Аня ждала его реакции даже с интересом. Она ни разу в жизни не просила у него денег. Заметила его непонимающий взгляд и объяснила: – Рублей двадцать, завтра на транспорте придётся...

– Да до типографии два шага! – возмутился Вадик. – Минут пятнадцать, если не старуха! Ты же всегда пешком ходишь!

– Коробка тяжёлая... – Аня подумала и осторожно напомнила: – А после типографии мне прямо сразу на новую работу надо будет ехать. С коробкой пешком могу не успеть.

– Ладно, – недовольно согласился Вадик и зашуршал в бумажнике купюрами. – Но ты же не на такси кататься собралась? Чёрт, мелких у меня нет... Ладно, бери сотню. Бери, бери, мало ли что... Надо, чтобы в кошельке всегда свободные деньги были. На непредвиденные расходы.

У Ани никогда не было свободных денег. И непредвиденных расходов не было, если не считать его непредвиденные расходы... Кошелек у неё тоже не было.

Кажется, Вадик ждал, когда она поблагодарит его. Сто рублей! На транспорт! Не каждый дал бы на транспорт сто рублей вместо вполне достаточных двадцати! Аня молча взяла сотню, небрежно сунула её в карман халата и заботливо спросила:

– Ты не опоздаешь? На какое время у тебя встреча назначена?

– Да, пора, – деловым тоном сказал Вадик и глянул на часы. Подумать только, оказывается, у него часы новые! Ладно, какая разница... – Мне придётся ещё на рынок зайти. Надо проверить, работает ещё этот лентяй или уже закрыл магазин.

Магазином Вадик называл тот убогий ларёчек, в котором стояла коробка с его компьютерными дисками.

Наконец он собрался и ушёл.

Он собрался – и ушёл!

Аня ещё минутку постояла в прихожей под дверью, напряжённо прислушиваясь к неторопливым шагам Вадика – он всегда ходил неторопливо, даже вниз по лестнице не бегал, –

потом метнулась к окну, увидела, как он вышел из подъезда, посмотрел на часы, постоял, подумал, опять посмотрел на часы, повернулся и пошел направо, наверное, к троллейбусной остановке. На всякий случай она ещё немножко подождала, выглядывая в окно, – вдруг вернётся? Вдруг что-нибудь нужное забыл? Он всё время забывал что-нибудь нужное, возвращался и, не входя в квартиру, ждал, когда Аня это нужное найдёт и вынесет ему на лестничную площадку. Потому что возвращаться – плохая примета, а если он не переступил порог квартиры – можно считать, что и не возвращался... Наверное, сегодня ничего нужного Вадик не забыл. Молодец.

Аня отвернулась от окна, немножко поразмышляла, не выпить ли чаю, но решила, что потом успеет. Чуть-чуть отдохнет – а потом...

Она шагнула к своей раскладушке, села на неё и заплакала. Наверное, от облегчения. Было такое чувство, будто она почти уже утонула, а потом вдруг каким-то чудом вынырнула и глотнула воздуха. Ещё не отдышалась, ещё до берега чёрт знает сколько плыть, и не известно, хватит ли у неё сил, чтобы доплыть до того берега, и берег-то совершенно незнакомый, может быть, это вовсе и не твердая земля, а болото с пиявками... Ничего, это всё ничего, потом разберёмся. А сейчас пока можно подышать кислородом облегчения и надежды, собраться с силами и заняться делом.

Собраться с силами удалось быстро. Уже через несколько минут она вдруг заметила, что не так плачет, как улыбается. То есть, слёзы-то ещё текли, но так, по инерции. А улыбалась она вполне осознанно. Осознавала, что прямо завтра уйдёт отсюда навсегда, – и улыбалась от радости. И даже несколько раз хихикнула, вспоминая свои планы ночевать в типографии или вообще в парке на скамейке. Вот до чего развеселилась... Пора заняться делами.

Самое важное дело – это собрать всё, что нельзя оставлять здесь ни в коем случае. Может быть, ей не удастся сюда вернуться, чтобы забрать свои вещи. Тряпки – это ладно, это полбеды. А все документы, мамины фотографии, незаконченную работу и сберкнижку надо надёжно упаковать и унести с собой сразу. Кажется, Вадик понял, что она уходит от него, – и принял это спокойно. Но никто не знает, что он будет думать завтра. И он наверняка этого не знает. Сто раз уже так бывало: вечером он говорил одно, а утром – другое, прямо противоположное. И очень сердился, если она напоминала ему о вечернем решении. Или отмахивался: «Не твоё дело. Я передумал». Если был в хорошем настроении, говорил: «Я хозяин своего слова. Хочу – дам, хочу – назад заберу». Это он так шутил. Очень может случиться так, что завтра он сочтёт себя оскорблённым любимым из её слов, сказанных сегодня. И не просто оскорблённым, а бессердечно брошенным. То есть жестокосердно. А если ещё вспомнит, что никакого источника доходов, кроме зарплаты жены, у него сейчас нет, – то сочтёт себя ещё и обворованным. Жестокосердно. Ограбленным в ту самую минуту, когда его серьёзный бизнес нуждается в постоянных вложениях капитала. А тут вон чего! Жестокосердно бросили, развелись, ушли и капитал с собой унесли!.. Обязательно поменяет замки и не даст ей забрать ни одной своей вещички. Лучше на помойку их выбросит. Нет, лучше потребует за них выкуп. Компенсацию за моральный ущерб. Когда-то Вадик серьёзно интересовался компенсациями за моральный ущерб. Тогда соседи щенка взяли, щенок совсем маленький был, по ночам иногда плакал, Вадик говорил, что ему поэтому снятся плохие сны. Хотел на соседей в суд подать. Не успел: щенок привык и плакать перестал.

Аня опять хихикнула. Наверное, она и правда бессердечная... то есть жестокосердная. Сейчас ей совсем не было жаль Вадика. Сейчас она даже не помнила, почему ей было жаль его раньше. Наверное, потому, что он казался ей ужасно беспомощным. Совсем не приспособленным к жизни. Ничего у него как-то не удавалось. Даже институт культуры не закончил. Его оттуда буквально выжили бездари, клеветники и завистники. Начал в какой-то ведомственной многотиражке работать – но и там оказались бездари, клеветники и завистники. Хотя откуда они в многотиражке-то взялись? Там весь штат состоял из Вадика и машинистки на четверть ставки... Пошёл на радио – бездари, клеветники и завистники не пускали его в эфир под наду-

манным предлогом: говорит очень медленно, да ещё и шепелявит. И в краеведческом музее обнаружилась прорва бездарей, клеветников и завистников. В бизнесе оказалось ещё хуже. Все взяточники, а продавцы – лентяи и жулики... Нет, правда ведь не везёт человеку. А ей его не жаль. Почему?

А по всему. Например, эта квартира. Он её не заработал. Он заставил родителей разменять их большую квартиру, чтобы жить отдельно. Заставить – это он всегда умел... Или эти его работы. Без диплома, без стажа, без хоть каких-нибудь профессиональных навыков всегда пристраивался на какие-то тёплые местечки, а если местечко оказывалось не таким тёплым, как ему хотелось, Вадик сначала пытался его утеплить по собственному разумению, а не получалось – так бросал, предварительно рассорившись с коллегами. Наверное, Аню он тоже рассматривал как тёплое местечко. Какой там бизнес?! Новые костюмы, новые часы, новый мобильник, новый портфель... В бумажнике – пачка денег. Похоже, вся её вчерашняя зарплата. Плюс сегодняшний холодильник.

Холодильник! Мясо пропадёт. И масло тоже. Обед, который она приготовила вчера, наверное, уже пропал.

Ну и пусть. Вадик всё равно обедает в ресторане.

Аня заметила, что опять плачет. Сидит на раскладушке, запаковывает свои вещички, а сама плачет. Кажется, уже не от облегчения, а от злости. Смогла бы она сейчас ударить человека по лицу? Нет, наверное, не смогла бы. Значит – не от злости плачет. Значит – от обиды. Это тоже очень плохо. Обида – это замаскированное обвинение в своих бедах и неудачах того, на кого обижаешься. А разве она обвиняет кого-нибудь в своих бедах и неудачах? Никого не обвиняет. Даже Вадика. Человек сам кузнец своего счастья... Ну насчёт счастья ещё можно сомневаться, а что человек сам кузнец своих несчастий – это совершенно точно. Ни один враг не навредит тебе так, как ты сам себе сумеешь навредить. А на себя обижаться глупо. А плакать – вообще вредно. Завтра с утра два листа срочного буклета, цветная подложка, мелованная бумага – редкая гадость. И с нормальными глазами искать запятые в цветных блестящих пятнах – настоящая пытка. А с заплаканными глазами как? Большинство корректоров читают только рабочую распечатку на нормальной бумаге, а потом по контрольному экземпляру даже сверку делать не хотят – всё равно в этом блеске ничего не видно. Но этот буклет поступил со стороны, заказчик привёз – и уехал не известно куда, и рабочую распечатку требовать не с кого, а вычитать нужно уже к двенадцати... Ничего, просто надо прийти на часок пораньше – и всё успеется. А две книги она заберёт с собой на новое место работы и спокойно почитает там в свободное время. Если у неё будет свободное время... Нет, не надо бояться заранее. В конце концов, можно и по ночам почитать, дело привычное. От газет придётся отказаться, сидеть в типографии она уже не сможет, даже и по паре часов в день вряд ли получится. Это жаль, но ничего страшного. Людочка Владимировна наверняка согласится с Аниным надомничеством. Особенно, если Аня возьмётся вычитывать машинописные экземпляры рукописей местных классиков. Местные классики презирали компьютеры и до сих пор печатали на машинках. По три экземпляра под копирку. Копирка была заслуженной, помнила тексты ещё про товарища Иванюшкина, который лет сорок назад был секретарём обкома партии, поэтому нынешние произведения местных классиков были совершенно нечитаемые. Людочка Владимировна точно обрадуется, если Аня за них возьмётся. Может быть, под это дело попросить ещё и выпросить старенький запасной компьютер? Он всё равно в типографии без дела стоит, потому что правда очень старенький, памяти у него – кот наплакал, а скорость – раздражающая, как сказал один из верстальщиков. Но для обычного набора он ещё пригоден. Наверное. Если Людочка Владимировна разрешит Ане унести его на новую работу – это вообще замечательно будет. Аня могла бы сразу набирать местных классиков, попутно делая правку. Она хорошо набирала, быстро и аккуратно. И тогда заработок был бы уже двойным – и за корректуру, и за набор...

Нет, мечтать заранее тоже не надо. Тем более – о таких радужных перспективах. Чтобы потом, когда перспективы окажутся не такими уж радужными, не пришлось разочаровываться. Надо смотреть на вещи трезво и делать всё правильно. По порядку всё делать. Делать всё. То, что не сделано вовремя, имеет обыкновение потом сваливаться на голову целой лавиной, цепляя по пути ещё массу каких-то дел, забот, хлопот и неприятностей.

Значит, по порядку...

Документы, мамины и бабушкины фотографии, сберкнижка и серебряная ложка, которую подарила Ане бабушка «на первый зубок», запакованы. Пакетик небольшой, влезет в сумку.

Коробка с одеждой неудобная, надо перевязать её веревкой, чтобы можно было в руке нести, а не под мышкой. Распечатки двух вёрсток тяжеловаты... Ну ничего, в один крепкий пакет они обе влезут, донесёт как-нибудь, потому что работу здесь оставлять нельзя ни в коем случае. А всё остальное – ерунда, если Вадик даже и не разрешит ей забрать свою одежду, она и без неё как-нибудь обойдётся. И так почти всегда в одном и том же ходит. Осень ещё не очень скоро, до холодов она успеет заработать на свитер, джинсы и кроссовки. К зиме, может быть, сумеет заработать даже на какую-нибудь дешёвенькую дублёнку. Или хоть на куртку какую-нибудь тёпленькую.

Кажется, она опять размечталась о радужных перспективах. А неотложных дел ещё довольно много.

Аня проверила суп, голубцы и салат – нет, ничего не испортилось. Не надо на ужин готовить ничего нового, и это сгодится, только следует перекипятить суп и немножко перетушить голубцы... Да нет же! Вадик сказал, что придёт поздно, так что ужин ему никакой не нужен. Вот и хорошо. Она поставила суп на огонь и выглянула в окно. Двое уже ждут. Сидят в самом незаметном углу двора, прямо на траве под забором, огораживающим недавно начатую стройку, один бомж уже и миску свою приготовил, держит на коленях... Голодный. Сейчас, сейчас, вот только голубцы ещё немножко пропарятся... Надо им хлеба побольше вынести. Хлеб они могут взять с собой, хлеб не пропадёт. И все сухари. Она никогда не выбрасывала чёрствый хлеб, сушила сухари, а потом размалывала их для панировки. Вадику сухари даром не нужны, сам он никогда не будет готовить. Морковка, лук, чеснок Вадику тоже ни к чему, он всё это терпеть не может. А бомжи всё могут терпеть, к тому же это какой-никакой витамин. Настойка шиповника – тоже витамин. Но она на спирту. Сразу высосут весь пузырёк – и никакой пользы, кроме вреда, как говорит Людочка Владимировна. Ну ничего, немножко настойки можно развести в литре кипяченой воды. Ещё картошка есть, много. Надо Вадику на всякий случай оставить килограмм картошки – вдруг он не каждый день будет обедать и ужинать в ресторане? А остальное – бомжам. У Вадика всё равно всё пропадёт, а они смогут испечь картошку в костре.

Получилось две полных сумки, с которыми она обычно ходила на рынок. Сумки были огромные, сшитые из хорошей крепкой тряпки, каждая спокойно выдерживала десять килограммов. Может быть, и больше выдержала бы, но больше десяти килограммов Аня в сумки никогда не загружала – поднять не могла. Вряд ли на новой работе ей понадобятся обе сумки. Надо одну из них тоже бомжам отдать... Надо переодеться – и нести всё это, люди есть хотят. Или не переодеваться? Если даже кто-то из соседей и увидит её в старом домашнем халате – ну и пусть. Все бабы во двор в халатах выскакивают, только её никто ни разу во дворе в халате не видел. Ну увидят в первый раз – и что? В первый и последний раз. Аня сунула ключи от квартиры в карман халата и обнаружила там сотню. Надо оставить деньги дома. Очень стыдно было от этой мысли, но ведь бомжи всё-таки... А у неё больше денег нет, и совсем не будет, пока она не отдаст хотя бы одну вычитанную вёрстку. Ещё минимум три дня денег не будет. Болезненно морщась от неловкости, Аня торопливо, будто боялась, что кто-то может увидеть, сунула сотню в сумку, между страничками паспорта, вслух, будто кто-то мог услышать, вино-

вато сказала: «У меня правда больше нет», – подхватила две битком набитые торбы и поволокла их во двор.

Под забором сидели уже трое. Все знакомые. Лев Борисович встал, пошёл ей навстречу, искательно заулыбался ещё издали. Подошёл, протянул было руку, чтобы взять у неё одну из сумок, но засомневался, недоверчиво спросил:

– Это всё нам?

– Конечно, – сказала Аня. – Кому же ещё? Останется – товарищам отнесёте.

И отдала ему ту сумку, что была полегче. У Льва Борисовича болел позвоночник и временами отказывали ноги, ему тяжёлое поднимать было нельзя. Но и ту сумку, которая полегче, он нёс с заметным трудом. Поэтому Аня, подойдя к тем двум, которые так и сидели неподвижно, сердито сказала:

– Ну что ж вы такие? Даже не догадаетесь помочь. Или сегодня опять болеете?

– Аннушка! – Лёня-Лёня торопливо поднялся, косолапо шагнул ей навстречу, с готовностью потянулся за сумкой. – Здорово, Аннушка! А мы тебя не узнали, богатой будешь. Лев-то наш говорит: она! А Коля говорит: нет, не она, мешки сильно большие, не может быть, чтобы нам, это чужая пацанка, просто мимо идёт... И я говорю: не она, она всегда в штанах, а эта в платье каком-то, и волосья не прибраны... А это ты и есть! А чего в мешках-то? Правда, что ли, все нам? Ты не думай, мы сегодня в норме. Ни рубля не надыбали, вот те крест... Потому что уже нигде ничего нету... Даже нормальных бутылок не стало... Одни баклажки пластмассовые валяются везде... А кому они нужны? Никто их не принимает...

Он всё говорил и говорил жалобным голосом, и суетливо помогал Ане вынимать из сумок продукты, и раскладывать их на расстеленной загодя газете, и руки у него тряслись, и дышать он старался в сторону... Врал, конечно, какую-то сумму они сегодня надыбали – и тут же пропили. Наверное, сумма была действительно маленькой, и на закуску не хватило. Вон они какие голодные. Да и пьяные не очень.

– Ты ей не ври! – строго сказал уголовник Коля – тот самый, который всегда ходил со своей миской и со своей ложкой. – Ей – нельзя... Аня, мы всё ж приняли. Но мало – это правда. А кто не пьёт? Жизнь такая. Ты понимаешь. Понима-а-аешь!.. А то бы разве кормила?.. Песню знаешь? Кто не страда-а-ал, тот страданий чужих не поймё-о-от...

– Страданий, – машинально поправила Аня. – Правильно «страданий», а не «страданий»... Да не торопитесь вы так, там всем хватит, ещё и останется. Одну сумку я вам оставляю. И банки тоже оставляю, может быть, вам пригодятся. И кастрюлю оставляю, она моя... Вот в этой коробке зелёнка, бинты, пластырь, анальгин. Мыло от вшей. Сейчас жарко, можете и в речке помыться. И одежду постирать в речке можно, на солнце за пятнадцать минут высохнет. Вот в этом пакете – трусы и майки. Они не очень новые, но совершенно чистые. И простыня.

Она большая, если её порвать – будет три полотенца, тоже больших... Лев Борисович! Вот это специально для вас. Шерстяной жилет. Он очень колючий, зато очень тёплый. Даже летом на ночь обязательно надевайте. А зимой вообще не снимайте ни ночью, ни днём. Может, спина не так болеть будет...

– Аннушка, – тревожно спросил Лев Борисович. – Ты что, уезжаешь куда? Ты прощаться пришла, да?

– Я теперь в другом доме буду жить, – сказала Аня. – Далеко отсюда. Наверное, не скоро смогу к вам выбраться...

– Так адрес скажи! – Лёня-Лёня тоже затревожился, даже есть перестал. – Мы сами к тебе придём. Ну?..

– Вас туда не пустят... – Аня вспомнила, как искала в чугунной ограде запасной выход, и вздохнула. – Там забор железный, и ворота всё время закрыты, и охрана на посту... Если только через решётку что-нибудь смогу передать? Но я ещё не знаю, какой там хозяин будет. Может быть, и не разрешит. Но вы не беспокойтесь, я что-нибудь придумаю.

Теперь и уголовник Коля затревожился. Тоже перестал есть, уставился на Аню вечно недоверчивыми глазами, подозрительно спросил:

– Ты чего, сестрёнка? Шутки шутишь? Тебя-то к хозяину за что? Ну, суки легавые. Совсем очумели! Ангелов небесных в крытку сажают!

– Я опять не понимаю, что вы говорите, – призналась Аня. – Что означает «крышка» в данном контексте? И потом, Николай, – я же просила вас не ругаться... Мне чёрные слова слышать тяжело. У меня от таких слов сердце болеть начинает.

– А чего я сказал? – искренне не понял Коля. Глаза у него стали совсем недоверчивые. – Ты чего, сестрёнка? Я ж тебе не в укор. В жизни всякое бывает. И ничего, везде люди живут. В крытке хоть кормить будут.

Аня опять ничего не поняла. Лев Борисович это заметил, с некоторой неловкостью объяснил:

– Коля думает, что тебя в тюрьму хотят... Крытка – это, насколько я помню, тюрьма... Коля, я не ошибаюсь? Пойти к хозяину – значит сесть в тюрьму. Но ведь ты же не... Аннушка, ведь это ошибка какая-то, правда?

– Какая тюрьма? – Аня удивилась. – Разве я что-то такое говорила? Наверное, я неясно выразилась, извините. Я хотела сказать, что буду жить в другом доме. Меня приняли домработницей. А что дом за железной оградой – это потому, что там не простые люди живут... Хотя я почти никого ещё не видела. И хозяина квартиры, где буду жить, тоже не видела. Может быть, он нормальный человек. Может быть, он не будет против того, чтобы я вам помогала. Да если даже против будет... Ладно, я что-нибудь придумаю.

– А если не придумаешь? – озабоченно спросил Лёня-Лёня. – Чего нам тогда делать?

Лариса Васильевна из четвёртого подъезда на такой вопрос ответила бы: «Бросайте пить, идите работать». Аня знала, что эти люди и так работают. И работа у них тяжёлая, грязная и низкооплачиваемая. Зарботков хватает как раз на бутылку, на жильё не хватает. Потому большинство из них и живут прямо на своём рабочем месте – на загородной свалке, на помойках возле жилых домов, в заброшенных парках, в пустующих аварийных домах, которые ещё не успели снести. Она тоже собиралась жить на своём рабочем месте. И советовать им не пить она тоже не имеет права. Ещё не известно, не спилась бы она сама при такой жизни. За последний год ей несколько раз хотелось напиться так, чтобы вообще ни о чём не думать, ничего не чувствовать, ни о чём не помнить и ничего не бояться. Вообще-то она никогда не пила, алкоголь для неё ядом пах. Но несколько раз напиться хотела. Может быть, и напилась бы, но каждый раз что-нибудь мешало: то работа срочная, то к Алине в больницу опять надо было ходить, то совсем денег не было – всё уходило на непредвиденные расходы Вадика... Что она могла посоветовать этим людям? А они, кажется, действительно ждали от неё какого-то совета.

Аня вспомнила бабушкины слова, которые та повторяла в особо тяжёлые времена, и сказала:

– Когда вам плохо, найдите того, кому хуже, – и помогите ему.

Лев Борисович качнул головой и опечалился. Уголовник Коля коротко и зло рассмеялся. Лёня-Лёня сильно удивился, похлопал слезящимися глазками и серьёзно спросил:

– А это чего такое может быть? А? Чтобы хуже, чем у нас?

– Что угодно может быть, – уверенно ответила Аня. – Я точно знаю: всегда можно найти людей, которые нуждаются в помощи. У меня есть одна подруга... Она... В общем, она очень больна. И в материальном плане там не очень... В общем, совсем туго. Знаете, скольким людям она помогает? Да всем помогает, до кого дотянулась... И говорит, что от этого ей жить легче.

– Тоже блажная, – с непонятной интонацией пробормотал уголовник Коля. – Нищая, больная – а туда же... Чокнутая. Лучше бы о себе думала.

Лев Борисович и Лёня-Лёня оглянулись на Колю неодобрительно, но промолчали. Ладно, бог с ними. Коля моложе и сильнее, зачем им с ним ссориться? И вообще никому ни с кем ссориться незачем.

– Прощайте, – сказала Аня. – Нет, всё-таки до свидания. Может быть, всё-таки встретимся когда-нибудь. Я не могу ничего обещать, но постараюсь... Желаю вам здоровья и... и... не знаю... и удачи, вот чего.

– Спасибо, Аннушка, – тихо сказал Лев Борисович. – И тебе того же.

– Бывай, – сказал Лёня-Лёня. – Ты это... Ты уж с хозяевами там договорись как-нибудь. Может, хоть не каждый день приносить будешь, а как получится, – и то проживём.

– А подруга твоя где живёт? – спросил уголовник Коля. – Как её зовут-то?

– Подруга сейчас в больнице, – помолчав и какое-то время поглядев на Колю, ответила Аня. – Долго ещё в больнице будет, наверное, целый месяц.

Повернулась и пошла к дому. Услышала, как Коля с досадой матюгнулся, а Лев Борисович и Лёня-Лёня что-то тихо начали говорить ему, но тут же и замолчали. Ну да, Коля ведь моложе и сильнее. Заберёт себе то, что она сегодня принесла и что они не успели съесть, – и всё, завтра они голодные. И вряд ли кто-нибудь ещё будет их кормить здесь каждый день. Они не единственные такие, бомжей много, всех не прокормишь... Ужасно жалко людей. Всех.

...А Вадика не жалко. В ресторане кушает. Не пропадёт. Надо на всякий случай оставить в доме хлеб, яйца, кетчуп и подсолнечное масло. Всё это и без холодильника какое-то время проживёт. А Вадик, может быть, утром есть захочет. Догадается сам себе яичницу пожарить. А мясо и сливочное масло нужно отнести к кому-нибудь из соседей, у кого есть холодильник. У всех есть холодильник. Только у неё нет холодильника. Хотя при чём здесь она? У Вадика нет холодильника. У него уже почти ничего в доме нет. И дома уже почти нет. И жены уже почти нет. Зато есть серьёзный бизнес. И новый костюм. И новый портфель, новые часы, новый мобильник, новый бумажник, а в бумажнике – её зарплата...

Ну всё, хватит уже. Об этом думать нельзя. Стыдно. К тому же – каждый сам кузнец своих несчастий. И опять же – что такое несчастья? Сегодня – последний день, последний вечер, последняя ночь... Не так уж много осталось, вполне можно потерпеть. Тем более, что у Вадика деловая встреча. Повезло. Может быть, повезёт так, что он придёт совсем поздно, а завтра утром, когда она будет уходить, он ещё будет спать... Ой, сколько раз она себе говорила: не надо мечтать о слишком многом...

Но всё получилось так, как она намечала. Вадик пришёл почти под утро. В этот раз даже и шумел не очень. Но она по привычке всё равно проснулась, лежала потихоньку, с опаской прислушивалась к тому, как он топает туда-сюда, звенит чем-то в кухне, роняет что-то в ванной, скрипит ключом в ящике своего письменного стола – деньги прячет. Он всегда прятал деньги в ящике письменного стола, закрывал ящик на ключ, а ключ вешал на цепочке на шею. Подумать только, когда-то эта его привычка казалась ей забавной. Потому что он прятал под замок даже сто рублей. И даже двадцать рублей прятал. И десять... Злой Кощей над золотом чихнет.

Сегодня Вадик, кажется, не был расположен будить её, чтобы выяснить, где лежит то, что ему вот прямо сейчас понадобилось, или куда положить то, что он с себя снял. Вадик всё время забывал, что шкафы он сам продал, и очень раздражался, когда Аня вешала его одежду на верёвку, натянутую вдоль стены. Сегодня он сам всё на верёвку повесил, шипя и чертыхаясь сквозь зубы. Наконец свалился на свой диван и почти сразу с присвистом захрапел. Повезло.

Утром Аня встала пораньше, сняла своё постельное бельё, свернула и запихнула в пакет с распечатками. Подумала – и запихнула туда же халат. Ничего, донесёт как-нибудь. Без домашней одежды всё-таки неудобно, даже и в чужом доме. Застелила раскладушку покрывалом. Отнесла пакет и коробку в прихожую, поближе к входной двери. Написала записку: «Сырое мясо и сливочное масло – в кв. 42, у Надежды Васильевны в холодильнике. Яйца – в коробке

на подоконнике, остальное – на нижней полке подвесного шкафа. Сковорода – в духовке. Если будут вопросы – звони в типографию до 12.00. Потом я пойду на новую работу. Скорее всего – уже не вернусь. Если соберусь зайти за своими вещами – предупрежу заранее. Желаю всего хорошего. А.» Перечитала записку, заметила, что опять много тире. На Вадика тире производили неприятное впечатление. Вадик когда-то серьёзно интересовался пунктуацией. Предполагалось, что по знакам препинания он способен точно определить характер человека, который эти знаки ставит. Анины тире неопровержимо свидетельствовали о её упрямстве и высокомерии. Однажды Аня неосторожно заметила, что знаки препинания свидетельствуют только о грамотности или безграмотности автора текста. Вадик торжествующе закричал: «Споришь! Вот видишь? Это упрямство, я прав! И высокомерие тоже! Потому что обвиняешь других в безграмотности!» Аня сроду никого в безграмотности не обвиняла, она просто ошибки исправляла, а это ведь совсем другое дело. Она тогда даже попыталась объяснить это Вадiku. Не понимала ещё, что этого делать нельзя. Совсем глупая была.

Ай, ладно. Всё уже кончилось. Кончается. Еще несколько минут – и... И хоть бы Вадик не проснулся до её ухода.

Вадик не проснулся. Повезло. Аня немножко постояла в прихожей, вспоминая, не оставила ли она здесь чего-нибудь нужного. Вспомнила: зубная щётка. И паста. И мыло. На всякий случай, мало ли... Торопливо нырнула в ванную, схватила с полочки щётку и пасту, полезла в шкафчик над зеркалом – мыла не было. Странно. Только вчера вечером она положила сюда новый, ещё не распакованный, кусок мыла... А, вот он, уже распакованный, раскисает в луже воды на дне ванны. Вот что Вадик здесь ночью ронял. Ладно, что ж теперь. Она сунула зубную щётку и пасту прямо так, ни во что не заворачивая, в пакет с распечаткой, постельным бельём и халатом, осторожно открыла дверь, вынесла на лестничную площадку всё свое имущество, вставила ключ в замок снаружи, повернула так, чтобы язычок замка спрятался, тихо закрыла дверь и медленно повернула ключ в обратную сторону. Замок даже не щёлкнул. Опять повезло. Она с облегчением перевела дух, спрятала ключи в сумку, повесила сумку через плечо, подхватила пакет и коробку и торопливо побежала вниз по лестнице. Пробежала два этажа, цепляясь коробкой и пакетом за стены и перила лестницы, а потом только сообразила, что за ней никто не гонится. Да если бы Вадик даже и проснулся – всё равно не погнался бы за ней. Разве только для того, чтобы спросить, куда она спрятала его чистые носки и новый галстук. Нет, и в этом случае не погнался бы. Скорее всего – позвонил бы ей в корректорскую, а потом с трубкой возле уха под её диктовку долго шарил бы по ящикам оставшегося не проданным старенького комода, строгим голосом через каждые десять секунд уточняя: «Второй сверху, ты уверена? Справа или слева? Слева? А конкретней?»

Аня вспомнила, как это было – и не один раз – и засмеялась. Не потому, что такие случаи казались ей забавными, а потому, что таких случаев больше не будет. Какое хорошее сегодня утро. И день тоже хорошим будет.

День действительно получался хорошим. И этот гадкий мелованный буклет она успела вычитать, и даже одну районку, потому что дежурная корректорша заболела. И Людочка Владимировна без звука согласилась на Анино надомничество, а когда узнала, что Аня согласна читать подкопирочные рукописи местных классиков, то даже сама вспомнила о запасном компьютере и без всяких просьб с Аниной стороны предложила ей и набор. Только, оказывается, компьютер надо было сначала реанимировать, но Людочка Владимировна сказала, что этот вопрос она решит в течение недели. И ещё принесли хорошую работу со стороны. Правда, срочную, зато текст крупный, чёткий, на нормальной бумаге, да ещё и вполне по-русски написан, насколько заметила Аня, проглядев мельком несколько страниц. И объём не такой уж большой, часа за три она это дома спокойно вычитает. То есть не дома, а на новой работе. Ну, всё равно, условно – дома, раз уж другого дома у неё теперь нет...

Удивительно, что от этой мысли не было грустно. Ничего весёлого, конечно, тоже не было. Но и грустно не было. Никак не было. Вообще об этом не думалось. Всё время думалось о том, что из своих вещей следует тащить на новую работу прямо сегодня, а что может и в типографии пока полежать. Выходило так, что на новую работу в первую очередь надо тащить старую работу – те две распечатки, которые она принесла из дома, и этот новый срочный заказ. А вещи придётся потом забрать, а то сразу всё – это тяжело, даже если не пешком, а на транспорте.

Она отдала сверку, подписала контрольную читку, уложила в пакет этот хороший заказ со стороны и уже собиралась закрывать корректорскую... И тут позвонил Вадик.

– Ты ещё не ушла? – озабоченно спросил он.

Вадик на подобные вопросы всегда ждал ответа. Она ответила:

– Нет, я ещё не ушла. Но уже собираюсь уходить.

– Это хорошо, – непонятно что именно одобрил Вадик. – А то я тут обыскался... Носки вчера купил, принёс, на место положил, а сейчас никак не найду. Ты не видела?

– Нет.

– Ну, и где мне теперь их искать? – возмутился Вадик. – Мне скоро уже уходить! У меня бизнес! Я что – без носков идти должен?! Где они могут быть?..

– Понятия не имею, – спокойно сказала Аня. И даже с некоторым злорадством. Правда, тут же устыдилась этого злорадства и мирно посоветовала: – Вспомни, куда ты их положил.

– Я что, должен о всякой ерунде помнить? У меня серьёзный бизнес! Я не могу на ерунду отвлекаться!

– Ну, не вспоминай, – Аня вдруг невиданно осмелела. – Я бы, конечно, сама вспомнила, если бы вообще знала, куда ты их положил. Но я не знаю. Так что ничем помочь тебе не могу.

– Не занудствуй, – буркнул Вадик уже почти спокойно. Наверное, вспомнил, куда положил вчера носки. – Ты никогда ничем помочь не можешь... Ты скоро придёшь?

У Ани упало сердце. Он что, забыл, о чём они вчера говорили? Значит, неприятности только начинаются.

– Я пока не знаю, отпустят ли меня в ближайшие дни на новой работе, – сказала она осторожно. – Даже в типографии я уже сидеть не смогу. Всё-таки человек в инвалидной коляске, от него не отойдёшь... Так что ты совершенно правильно решил насчёт того, что мне надо из твоей квартиры выписаться. Действительно – зачем платить лишнее? Пятьдесят процентов! Это серьёзный расход.

– А?.. Да... – Вадик, кажется, вспоминал, решал он что-нибудь или не решал. Вспомнил: – Но это же ещё разводиться надо! Тоже расход.

– Я же говорила: это я беру на себя.

– Да, говорила... Ладно. Мне уже собираться надо. Ещё придётся зайти куда-нибудь поесть. В доме никакой нормальной жратвы не приготовлено.

– Без холодильника продукты долго не хранятся, – сказала Аня и опять почувствовала признаки злорадства. – Зимой, правда, кое-что на балконе можно держать.

– Советует она, а?! – Вадик опять начал раздражаться. – Советчиков на мою голову!.. До зимы ещё дожить надо! А долги уже сейчас отдавать! А чем отдавать, а?

– И в этом я тебе уже ничем не могу помочь. У меня денег совсем нет. Только те сто рублей, которые ты мне дал вчера. Тебе их вернуть?

Он молчал и сопел в трубку. Аня ждала даже с интересом, потребует он вернуть эту сотню или нет. Ей казалось, что потребует.

– Эти копейки меня не спасут, – наконец хмуро ответил он. Похоже, и правда обдумывал её предложение. – Бизнес требует серьёзных вложений... Ладно, пока, некогда мне тут болтать.

И бросил трубку. На самом деле бросил, и как-то неудачно – сначала Аня услышала грохот, потом раздражённое чертыханье, потом опять какой-то стук, а потом короткие гудки.

И опять чуть не заплакала от облегчения, как вчера. Наверное, она и заплакала бы, но уже некогда было. Дама Маргарита велела приходить к двум, добираться до новой работы минут сорок, уже половина первого, а ещё надо бы забежать в столовую и хоть чаю с пирожком перехватить. Рублей на двадцать.

Но на чай с пирожком её позвали девочки из компьютерного цеха. Она закрывала дверь корректорской на ключ, а они как раз целой стайкой бежали мимо, все – с одноразовыми пластиковыми тарелками и стаканчиками в руках, увидели её, вцепились, поволокли к себе, радостно приговаривая, что нынче у них такой пирог, какой и она, Аня, вряд ли сможет испечь.

Нынче у них оказался не только пирог, нынче у них опять был большой товарищеский чай с разнообразными закусками и действительно совершенно необыкновенных размеров яблочным пирогом – форматом «А-три», как определили приглашённые печатники. Может быть, пирог был даже больше, чем газетная полоса. Это в какой же духовке его пекли? И вкусный очень. И салаты тоже были очень вкусные. Так что Аня чуть не опоздала на новую работу к назначенному времени.

Но всё-таки не опоздала. Без пяти два она уже стояла перед коваными воротами и выбирала чугунный цветок, на сердцевинку которого следует нажать. На всякий случай нажала одновременно на три, для чего пришлось сильно растопырить пальцы. Одна из сердцевинок утонула под её пальцем, Аня уже приготовилась отвечать на вопросы, но тут ворота щёлкнули и с лёгким жужжанием поплыли вправо. Неужели её с одного раза запомнили? Да ну, вряд ли. Скорее всего – перепутали с кем-то. Приняли за свою. Она всё-таки вошла, опять, как и вчера, оглянувшись, понаблюдала, как ворота с тем же жужжанием закрываются, и не очень решительно пошла к подъезду. Железная дверь подъезда при её приближении тоже щёлкнула и стала медленно открываться ей навстречу... Точно – её с кем-то перепутали.

За длинной стойкой сидел не вчерашний охранник, а какой-то совсем незнакомый. И не обращал на неё внимания. Аня подошла к стойке, тихонько покашляла, чтобы привлечь к себе внимание, и на всякий случай сказала:

– Я в седьмую квартиру. Меня должны ждать к двум часам. У меня паспорт есть.

– Я в курсе, – равнодушно отозвался охранник, даже не отрываясь от чёрно-белых экранов четырех маленьких телевизоров. – Мне только что из седьмой звонили. Вас в окно увидели. Можете пройти.

– Спасибо! – радостно поблагодарила Аня. – Вы мне очень помогли!

Охранник наконец обернулся, удивлённо глянул на неё и почему-то подозрительно спросил:

– Как помог? Чем это я помог? Шутка юмора?

– Нет, я шутить не умею, – ответила Аня. – У меня чувства юмора нет... Так что это не шутка юмора, а так... мысли ума.

И пошла уже знакомой дорогой по зеркальному полу и разноцветным коврам к лифту, слыша за спиной короткий одобрителный смех охранника и чувствуя, как мысли её ума от радостного ожидания, надежды и облегчения слегка прыгают, цепляют друг друга и перепутываются. Тихо, тихо... Надо тихо-тихо постоять на площадке, глубоко подышать, а потом не забыть закрыть рот. А то если человек на второе собеседование является с таким выражением лица, будто только что вышел из комы, – это ж любой сто раз подумает, прежде чем взять его на работу...

Правда, дама Маргарита ещё вчера сказала, что берёт Аню на работу. Но дама Маргарита просто не видела сегодняшнего выражения её лица.

Глава 3

В первый день дама Маргарита знакомилась с Аней. На следующий день – познакомила Аню с полем деятельности, фронтом работ и оперативной обстановкой, как сама это назвала. А на третий день собралась уезжать.

– Царя Давида привезём в субботу или воскресенье, – на прощанье сказала дама Маргарита. – Скорее всего – в субботу, ближе к вечеру. Обед приготовишь такой, как вчера. Только побольше, человек, наверное... ну, на шесть-семь. Если не приедем в субботу, тогда в воскресенье приготовишь новый обед. Чтобы всё свежее было. Поняла?

– Конечно, – ответила Аня. – А если в воскресенье приедете, то куда старый обед девать?

– Как это куда? – удивилась дама Маргарита. – Выбросить, естественно.

– Весь?! – Аня не видела ничего естественного в том, что придётся выбрасывать праздничный обед, приготовленный аж на шесть-семь человек. – Это же какой расход страшный... Главное – совсем не оправданный. Харчо, например, на второй день ещё вкуснее. Вот вы сегодня не ели, а зря! Хотите попробовать? Там ещё много осталось. Сами убедитесь. И торт вам на второй день больше понравился. Это потому, что он сутки в холодильнике простоял. По правилам «наполеон» обязательно надо сутки в холоде выдерживать, а потом уже есть.

– Ладно, «наполеон» делай по правилам, – весело согласилась дама Маргарита. – А остальное пусть всё свежее будет. Вот ведь характер... Что тебе чужие расходы? В чужом кармане деньги считаешь?

– В своём, – возразила Аня, вынула из кармана халата конверт, показала даме Маргарите и спрятала назад. – А раз уж ваши деньги теперь в моём кармане, так мне и считать их придётся. Как я такую графу расхода озаглавлю? «Выброшенные деньги»? Вы это вряд ли одобрите. И Давид Васильевич вряд ли одобрит. И вообще, такие дорогие продукты выбрасывать – это же... это же... У меня рука не поднимется. Если вы разрешите, я оставшуюся еду отнесу... знакомым... людям. Они очень трудно живут, иногда по-настоящему голодают.

– Да делай что хочешь, – сказала дама Маргарита и засмеялась. Она часто смеялась, разговаривая с Аней. – Ты всё-таки очень наивная, Анна. В мире многие голодают, всех не накормишь. А тот, кого кормишь, как правило, норовит ещё и руку тебе оттяпать... Ты ещё молодая, с этим не сталкивалась, вот в тебе романтичность и бродит.

– Почему это?..

Аня чуть не сказала: «Почему это я не сталкивалась? Очень даже сталкивалась», – но вовремя спохватилась и сказала другое:

– Почему это романтичность? Во мне практичность бродит. Раз уж еда приготовлена – её кто-то должен съесть. Логично?

– Логично, – согласилась, наконец, дама Маргарита. И опять засмеялась. – Знаешь, Анна, мне ни одна домработница ничего не говорила про экономию... Ну, хорошо, я тебе накануне нашего приезда позвоню, скажу, когда мы будем, и сколько человек, и, может быть, что-нибудь в меню изменим... Да, я же номера твоего мобильного не знаю!

– У меня нет мобильного, – виновато сказала Аня и почувствовала, что её сосудистая система опять начинает обнаруживать свою патологию.

Сейчас дама Маргарита спросит: «Почему?» – и Аня не сможет придумать никакой убедительной причины. Вадик продал её телефон давно, в самом начале своего бизнеса...

– Потеряла? – без особых эмоций спросила дама Маргарита. – Я тоже пару раз телефоны теряла. А Лилька моя однажды за месяц шесть телефонов растеряла... Ну, ничего, я на домашний буду звонить. Весь день дома тебе сидеть не обязательно, а вечерами не уходи, я, скорее всего, ближе к одиннадцати позвоню. Всё ясно?

Конечно, Ане было ясно далеко не всё, но она постеснялась признаться. И так дама Маргарита всё время смеётся. Наверное, над глупостью новой домработницы... А тогда зачем такую глупую на работу приняла? Хотя договор-то ещё не подписан. Вернее – полуподписан. Аня его подписала, а работодатель – нет. Сказали, что когда приедет – тогда и подпишет. Зачем тогда ей заранее давали подписывать? Наверное, затем, чтобы лишний раз посмеяться.

На взгляд Ани, ничего смешного не было. Ну, исправила она в тексте договора несколько ошибок. Совершенно машинально, просто по привычке. Вставила три пропущенные запятые, поправила «обезуется» на «обязуется» и «в течении» на «в течение». Ведь нельзя же подписывать текст с такими ошибками! Дядька, которого дама Маргарита представила как юриста и который, как поняла Аня, составлял этот договор, на то, как она вносит правку, смотрел с недоумением. Взял тот экземпляр, который Аня уже вычитала, и пока она правила другой, задумчиво изучал её правку. Наконец подозрительно спросил:

– Девушка, а вы смысл написанного уловили?

– Конечно, – ответила Аня. – Сформулировано ясно. Правда, стиль несколько... м-м... тяжеловат. Все эти «каковые», «кои», «во избежание» и тому подобное уже почти нигде не употребляются, даже в официальных документах. Но понимать смысл не мешают.

– Ага, – сварливо сказал юридический дядька. – Вы тут за пять секунд всё поняли! Да ещё и ошибки нашли! Интересно, интересно... А мы там втроём полтора часа это писали. А потом ещё по два раза перечитывали... Между прочим, у меня оба помощника с высшим образованием.

– Наверное, с юридическим? – предположила Аня.

– Изя, не цепляйся к девушке, – вступила в разговор дама Маргарита, до этого молча слушавшая и наблюдавшая. – У Анны филфак и опыт работы по специальности.

– А чего это вы тут приписали? – Юридический Изя даму Маргариту не послушался и к Ане цепляться не перестал. Но цеплялся не раздражённо, а с каким-то весёлым интересом. – Вот тут, перед подписью – это что такое? Если вы Анна, то при чём тут «к-р»?

– Ой, это я нечаянно! – Аня даже расстроилась, потому что и так уже сколько глупостей наделала... – Это я по привычке. Все, кто читают номер, должны подписать каждую полосу. Редактор подписывается «ред. Иванов», дежурный – «деж. Петров», корректор – «к-р Сидоров».

– А пойдёте ко мне работать, к-р Бойко? – неожиданно спросил юридический Изя. – Я платить буду больше. Ну, процентов на... скажем, двадцать.

– Нет. Спасибо за предложение, но...

– Или на тридцать, – не дал ей договорить юридический Изя.

– Да нет же! Я ведь не...

– Хорошо, на пятьдесят! – Изя торговался уже с нескрываемым азартом.

– Ну, как вы так можете? – с упрёком сказала Аня. – Я ведь только-только подписала договор! И, между прочим, вы сами его составляли. Четвёртый пункт: «В случае увольнения по собственному желанию Работник обязуется предупредить Нанимателя за две недели до дня увольнения». Подумайте сами – только приняли, а я заявляю: ищите кого-нибудь другого, я уйду. Это некрасиво...

– На сто процентов, – опять не дал ей договорить юрист.

– ... и нечестно, – всё-таки упрямо закончила она. – Люди на меня надеются, люди мне поверили, а я так подведу... И времени уже нет, чтобы кого-то другого искать. Так поступать просто нельзя, разве вы не понимаете?

– Как это поступать нельзя? – вкрадчиво спросил юрист, хищно блеснув зубами. Наверное, он так улыбался. – Ей денег предлагают в два раза больше, а она мне говорит, что соглашаться некрасиво и нечестно!

Аня оглянулась на молчащую даму Маргариту и беспомощно спросила:

– Он правда не понимает? Или просто шутит?

Дама Маргарита захохотала. И юрист смешливо хрюкнул, помотал головой, посверкал хищными зубами, непонятно кого спросил:

– Реликтовые папоротники – где их выращивают-то?

Аня подумала, что спрашивают её – мало ли зачем, может, эрудицию так проверяют, – и не очень уверенно ответила:

– На Камчатке, кажется... Только их не выращивают, они сами по себе растут.

Юрист закрыл глаза и обессиленно откинулся на спинку стула. Дама Маргарита с удовольствием поразглядывала его и бесцеремонно объяснила Ане:

– Это он тебя имел в виду. Реликтовый папоротник – это ты.

– Неожиданное сравнение, – задумчиво удивилась Аня. – Наверное, я потому и не поняла, что сравнение... как бы это сказать... не очень удачное. Извините. Я по телевизору видела – папоротники очень красивые. Пышные такие, и листья как кружево, особенно когда все вместе... Нет, с папоротником меня вряд ли можно сравнивать. А вот хвощ – это да, с хвощом меня сравнивать можно.

Юрист открыл глаза, внимательно уставился на Аню и угрожающим тоном уточнил:

– С реликтовым?

– Ну да... Кажется, хвощ бывает только реликтовым...

Теперь дама Маргарита и юрист Изя захохотали вместе. Нет, это, конечно, неплохо, когда люди веселятся из-за каждого пустяка. Просто Аня к этому не очень привыкла. То есть – совсем не привыкла. Все, с кем она когда-то училась, и все, с кем она потом работала, над каждым её словом не смеялись. То есть смеялись, но не над каждым. И то только сначала, а потом – ничего, привыкали. Вдруг и этот царь Давид окажется таким же смешливым, как дама Маргарита и юрист Изя? И мучайся тогда вопросом: он думает, что у тебя есть чувство юмора, или просто дурочкой считает? Скорее всего, всё-таки будет считать дурочкой. Потому что умные люди знают, что со всеми одинаково разговаривать нельзя. Со всеми одинаково разговаривают только люди с пониженной социальной адаптацией. Вадик когда-то серьёзно интересовался социальной адаптацией. Подразумевалось, что он с полным основанием может сказать, что у Ани социальная адаптация нулевая. Это жаль. Потому что на новой работе, похоже, придётся ещё адаптироваться и адаптироваться. Изю всех сил. Потому что здесь всё было не так, как у людей. То есть – не так, как у тех людей, с которыми Аня была знакома прежде.

Когда дама Маргарита уехала, Аня тут же села и написала стратегический план, тактический план и список первоочередных дел. Стратегический план состоял из одного пункта: «Изучить и запомнить всё». Тактический план – из двух: «1. Узнать, к кому обращаться в случае чего. 2. Познакомиться с соседями, а лучше – с их домработницами». Список первоочередных дел получился длинным: «1. Сделать генеральную уборку. 2. Перестирать шторы. 3. Вымыть холодильники. 4. Проверить запасы продуктов. 5. Отнести работу в типографию. 6. Принести свои вещи. 7. Позвонить Вадике. 8. Потренироваться с ключами». Аня перечитала список, подумала, вычеркнула седьмой пункт, а восьмой перенесла в самое начало. Дама Маргарита показывала, как открывать и закрывать входную дверь, включать и выключать сигнализацию, где расположена «тревожная кнопка» и как блокируется дверной замок, но пока она была дома – сама и открывала, и закрывала, и включала, и блокировала, так что Аня всему этому научиться не успела. Вот прямо сейчас и надо научиться, а то уйдёшь, закрыть-то дверь закроешь, а открыть потом не сумеешь. А она даже не знает, к кому обращаться за помощью в случае чего.

Аня взяла ключи, вышла на лестничную площадку и, пока не захлопывая дверь, некоторое время вертела ключами в замках, запоминая, какой ключ от какого замка. Дама Маргарита говорила, что вполне достаточно закрывать на один замок, но мало ли... Наконец Аня решила, что уже всё запомнила, захлопнула дверь, закрыла на оба замка и стала вспоминать, какой

из них нужно открывать первым, чтобы автоматически не сработала сигнализация. Кажется, нижний... Или верхний? Ну, ничего, даже если она ошибётся, то потом всё равно войдёт и успеет отключить эту сигнализацию до того, как прибежит милиция, ОМОН, ГРУ, ЦРУ... то есть ФСБ – или кто там эту крепость охраняет?..

Дверь она открыла легко, но, конечно, неправильно. На панели внутреннего телефона, висящего на стене рядом с дверью, светилась красная кнопка. Значит, эта бдительная сигнализация уже сигнализирует кому положено о несанкционированном проникновении злоумышленника в седьмую квартиру. В данном случае – злоумышленницы. Сигнализация же не знает, что Аня никакого зла не умышляет, а просто немножко перепутала замки... Так. Теперь её надо отключить в течение минуты. Пока не прибежали ГРУ, ЦРУ и ФСБ.

Ну вот, мы так не договаривались... Она же только сегодня утром положила на телефон бумажку, на которой очень подробно записала, как надо отключать сигнализацию. А сейчас никакой бумажки там не было. Может быть, её сквозняком сдуло? Но в этой квартире не бывает сквозняков. Мистика. Аня не верила ни в какую мистику, поэтому решила, что, скорее всего, просто хотела положить бумажку на телефон, а потом передумала и положила в другое место, не доступное для злоумышленников, которые могут несанкционированно проникнуть... Теперь надо вспомнить, какое место она посчитала недоступным. И она бы, конечно, вспомнила, но отведённая на отключение сигнализации минута уже кончилась. Всё, ГРУ, ЦРУ и ФСБ уже на старте. Или даже в пути... И кто будет держать на работе человека, который на второй же день после приёма своими действиями – вернее, своим бездействием – провоцирует боевую тревогу, взламывание входной двери, тотальный обыск, топтание паркета грязными ботинками и собственный арест? Никто не будет держать. Она бы уж точно не держала. Остаётся одно – явка с повинной и чистосердечное признание. Вадик когда-то серьёзно интересовался чистосердечным признанием. Предполагалось, что он-то умеет чистосердечно признаваться, а она – нет. Ну, что ж теперь... Учиться никогда не поздно.

Аня сняла трубку внутреннего телефона – никакого гудка, трубка молчала. А, нет, не совсем молчала, ещё и дышала. Может, телефон и работает...

– Здравствуйте, – на всякий случай сказала она. – Это вас из седьмой квартиры беспокоят...

– Да, я вижу, – настороженно отозвалась трубка. – Какие-то проблемы?

– Я забыла, как отключать сигнализацию, – виновато призналась Аня. – Простите, что беспокою, но я просто не знаю, к кому следует обращаться в подобном случае...

– Мужики, отбой, – с явным облегчением сказала трубка, а потом со скрытым недовольством добавила: – Сейчас к вам поднимутся.

Аня повесила трубку – вернее, попыталась повесить, но рычаг почему-то не нажимался. Не хватало только телефон сломать. Как можно вообще держать на работе человека, который на второй же день ломает телефоны?! И что теперь делать?..

Колокол над дверью качнулся и дзинькнул почему-то с вопросительной интонацией. Аня оставила телефонную трубку висеть на шнуре, торопливо открыла дверь, сказала стоявшему на площадке человеку: «Спасибо, что пришли, проходите, пожалуйста», – и вернулась к телефону. Трубка качалась и всё время что-то сердито говорила. Аня схватила её и прижала к уху. Трубка, оказывается, спрашивала:

– Что случилось? Почему не даёте отбой? Что там у вас происходит? К вам идёт наш работник! Вы можете открыть дверь?

– Я уже открыла, – почти с отчаянием сказала Аня. – Я просто трубку повесить не могу! Телефон, кажется, сломался.

– Разрешите, – произнес недовольный голос за её спиной.

Аня оглянулась. Парень смотрел на неё с подозрением и протягивал руку.

– Вам документы показать? – Аня переложила телефонную трубку в левую руку и полезла в карман халата. – Сейчас, сейчас, минуточку, у меня паспорт вот здесь, в конверте...

Вынимать паспорт из конверта с хозяйскими деньгами одной рукой было неудобно, поэтому она сказала: «Подержите, пожалуйста», – сунула трубку пришедшему парню и взялась за конверт обеими руками. Парень сказал в трубку: «Я на месте», – и попытался её повесить, но тоже безуспешно. Удивился, поразглядывал телефон сверху, вытащил из-за рычага сложенную бумажку, повесил трубку – на этот раз успешно – и с недоумением спросил:

– А кто это рычаг заблокировал? Так делать нельзя. Или всё время вызов будет идти, или вообще дозвониться не сможете.

– Ой, вот она! – Аня сунула конверт в карман, выхватила бумажку из руки парня и стала торопливо разворачивать её, виновато приговаривая: – Я же помню, что на телефон её положила! Пошарила – а её там нет! Вам хорошо, вы большой, вы сверху всё видите... Это шпаргалка... То есть записка. А то я наизусть не помню, как надо отключать. Вот и записала всё подробно...

– Новенькая, что ли? – спросил парень, наблюдая, как Аня торопливо нажимает кнопки, всё время заглядывая в свою шпаргалку. – Давно служишь? Что-то я тебя раньше не видел. Тебя как зовут?

– Анна Сергеевна Бойко...

Она закончила набирать код, с удовлетворением вздохнула, заметив, что красный огонек погас, и обернулась к парню. Кажется, парень с трудом сдерживал смех. Что же это они здесь все такие смешливые?

– Ну, Анна Сергеевна, ты вообще! – с изумлением сказал парень и расплылся в улыбке от уха до уха. – Кто же такие вещи записывает? Такие вещи в голове держать надо, а не на самом виду. Вот, не дай бог, вломится жульё, сигнализация сработает, а для них твоя записочка приготовлена: а пожалуйста, граждане домушники, отключайте сигнализацию, грабьте спокойно, никто не помешает... Вот как всё может быть, Анна Сергеевна!

– Да ничего такого быть не может, – обиделась Аня. – Что ж вы думаете – я совсем глупая? Записка для меня, а не для жульё. Никакое жульё тут ничего не поймёт. Вот посмотрите! Вы что-нибудь понимаете?

Она сунула записку парню под нос, тот с интересом заглянул в неё, минутку поизучал и признался:

– Я ничего не понял... Ну, так ведь я и не жулик. А профессиональные домушники, наверное, и не такие шифры знают.

– Не такие – знают, – согласилась Аня. – А такой – не знают. Потому что это вообще не шифр. Это цепь свободных ассоциаций. Все эти имена сами по себе никому ни о чём не говорят, а у меня каждое из них ассоциируется с определённой цифрой. Понимаете?

– Ага, – ответил парень и опять заулыбался от уха до уха. – Понимаю, как не понять... Свободная цепь, ясное дело. А ты чего, сильно образованная?

– Да нет, не сильно... – Аня несколько удивилась вопросу. Но кто их знает, может быть, тут положено, чтобы охрана имела о наёмных работниках всю информацию. Поэтому ответила: – У меня обычное образование, почти как у всех. В аспирантуру не пошла, потому что работать надо было. Да, в общем-то, и не хотела... Честно говоря, меня наука не очень привлекает.

– Вот это правильно, – почему-то обрадовался парень. – Кому она нужна, та наука... Ты сегодня вечером что делаешь? Меня Русланом зовут.

– Очень рада познакомиться, меня зовут Анной. Ах, да, я ведь уже говорила... – Аня задумалась, вспоминая, какое из дел она запланировала на вечер, и не очень уверенно сказала: – Вечером я собиралась мыть холодильники. Или шторы стирать? Надо свериться со списком, я не помню, что стоит впереди...

– Да ладно, шторы-холодильники! – не поверил парень. – Чего ты ерундой страдаешь? Вызови людей, они тебе и шторы, и холодильники... Или вон в химчистку отдай шторы свои. Химчистка прямо в доме, на первом этаже принимают. Или позвони – они сами за твоими шторами придут. Давай лучше вечером встретимся. Я до восьми сижу. Ты после восьми оторваться сможешь?

– Нет, сегодня не смогу. Мне к завтрашнему утру надо срочную работу закончить... А зачем вечером встречаться? Какое-нибудь профсоюзное собрание? Извините, Руслан, я ведь пока ничего здесь не знаю, мне об этом никто не говорил, и объявления я не видела... А где вообще такие объявления вешают?

– Не, ну ты вообще! – Руслан радостно захохотал. – Профсоюзное собрание! А?! Курсы повышения квалификации!.. Ну, приколы!.. Круто!..

– Нет? – растерялась Аня. – Я не поняла, извините... А зачем тогда вечером встречаться?

– Тебе сколько лет? – вкрадчиво спросил Руслан, шагнул к Ане и осторожно обхватил ладонями её талию. – Ты ведь совершеннолетняя, да? Зачем вечером встречаться! Ты что, на свидания никогда не ходила?

– Ай! – Аня торопливо шагнула назад, стукнулась затылком о висящий на стене телефон, конечно, сбила трубку, которая задергалась и запрыгала на шнуре, как рыба на леске, и, пытаясь поймать эту прыгучую рыбу, испуганно заговорила, стараясь не смотреть на Руслана: – Нет, извините, я не могу... Вы не обижайтесь... Дело в том, что я замужем...

– Тихо ты, руками-то не маши! – Руслан ловко поймал трубку, буркнул в неё: «Вызова нет, нечаянно зацепили», – пристроил трубку на место и насмешливо сказал: – Замужем она! Это не смертельно, это лечится. Я тоже женат. Ну и что?

– А почему же вы тогда?... А как же вы?... – Аня подумала, что это не её дело – выяснять, как и почему, замолчала, вздохнула и с сочувствием добавила: – Нет, я понимаю, всякое бывает. Когда в семье что-то не ладится – это очень тяжело. Вы не думайте, я вас не осуждаю... Но всё-таки... Нет, я так не могу.

– Чего это у меня не ладится? – удивился Руслан. – Всё у меня в семье нормально. Ты чего вообще? Не осуждает она!..

Он опять было засмеялся, но тут же стал вдруг очень серьёзным, внимательно поразглядывал Аню, о чем-то напряжённо подумал и неожиданно заявил:

– Ладно, я тебя тоже не осуждаю. Бывает, чего там. Не бери в голову. И это... ну... не опасайся. Я зла не держу.

– Спасибо, – с облегчением сказала Аня. – Я и не думала опасаться, что вы! Разве можно опасаться того, кто охраняет и защищает?

– Во! – обрадовался Руслан. – В самую точку! Значит, будем дружить, да, сестрёнка?

– Ой, вот бы хорошо, – тоже обрадовалась Аня. – У меня ни братьев, ни сестёр нет. Я всегда так завидовала девочкам, у которых старшие братья есть! А такой брат, как вы, – это же... это же... такого вообще ни у кого нет. И к тому же, имя у вас очень красивое.

– Ладно, сестрёнка, пока... – Руслан похлопал её по плечу и опять засмеялся. – Не, ну ты вообще... Во повезло кому-то!

Он ушёл. Аня закрыла дверь и пошла корректировать список первоочередных дел. Во-первых, с ключами она, можно считать, уже разобралась, а во-вторых, если шторы можно сдать в химчистку, тогда у неё освободится время для того, чтобы съездить домой... то есть не домой, а в свой двор... то есть не в свой... Ну, ладно, это уже не важно. В общем, съездить к бомжам и отвезти им еду. Еды было много, от того обеда, который она готовила вчера по заказу дамы Маргариты, осталось примерно девяносто процентов. Или даже больше. И зачем дама Маргарита попросила всё это наготовить, если и сама почти ничего не ела – так, попробовала каждое блюдо по чуточке, – и гостей не ждала? Наверное, просто хотела убедиться, что Аня умеет готовить. Экзамен. Ужасная расточительность... Надо что-нибудь оставить себе – немножко, на

три дня, – что-нибудь повкуснее отнести Алине, а остальное – бомзам. Нет, сначала надо всё-таки узнать всё об этой химчистке. Вдруг это дорого? Дама Маргарита говорила, что постельное бельё, покрывала, полотенца и скатерти нужно отдавать в прачечную, а о шторах ничего не говорила. Наверное, шторы следует постирать самой. Хотя ведь можно стирать самой все остальное, это гораздо легче, а шторы отдать в химчистку. А расход тот же. Вот интересно, а где тут можно сушить выстиранное? Ни в одной ванной никаких верёвок не натянуто. И на лоджиях никаких верёвок. В комнате, которую дама Маргарита назвала гардеробной, стоит большая гладильная доска, но верёвок для сушки белья и там нет. Может быть, здесь сроду никто ничего не стирал? Но в маленькой комнатке рядом с кухней стоит стиральная машина. Значит, если до сих пор не стирали, то, по крайней мере, собирались когда-нибудь стирать. Тогда где собирались сушить выстиранное? Зря она сказала даме Маргарите, что ей всё ясно. Надо было обо всём спрашивать. Правда, дама Маргарита на большинство Аниных вопросов всё равно отвечала: «Понятия не имею», – и смеялась. То, что не имеет понятия – это объяснимо. Всё-таки квартира чужая. А то, что смеялась, Аня даже и не пыталась себе хоть как-нибудь объяснить. Скорее всего – над её вопросами смеялась. Никто из домработниц не задавал столько вопросов, как сказала дама Маргарита. Наверное, имела в виду – столько глупых вопросов. Хотя напоследок велела звонить на сотовый, если возникнут проблемы. Интересно, отсутствие верёвок для сушки белья можно считать проблемой? Нет, с такой проблемой к даме Маргарите соваться не стоит. Тем более – сейчас. Она ещё в дороге, а отвлекать человека от дороги всякими пустяками... Лучше пойти по соседям, познакомиться с их домработницами, если они есть, и выяснить, кто где сушит бельё. И ещё – чем натирать паркет, где выбивать ковры и как мыть снаружи окна, которые не открываются. Потому что дама Маргарита обо всём этом тоже понятия не имела. Хотя по соседям ходить тоже как-то неудобно. Может быть, в таком доме это не принято. И даже неприлично. Вряд ли на работе будут держать человека, который с первых дней ведет себя неприлично.

Надо спросить Руслана, вот что надо сделать! Раз уж он сам предложил дружить. И даже назвал её сестрёнкой. Друзья, а тем более старшие братья, должны помогать... То есть нет, не должны, конечно, никто ей не должен помогать... Но ведь может? А она ничего не требует. Она просто надеется. Скорее всего, Руслан знает других домработниц, так что сможет познакомить её с кем-нибудь из них, а кто-нибудь из них сможет объяснить ей, как тут и что. И тогда совсем не обязательно звонить даме Маргарите со всякими глупыми вопросами, над которыми она, конечно, опять будет смеяться...

В глубине квартиры раздался странный звук. Как будто... кошка мяукнула! Никаких кошек здесь жить не могло. То есть, здесь кто угодно мог жить, хоть целое стадо кошек. Хоть целая толпа собак, хоть вообще многодетная семья бегемотов. Или все вместе – никому тесно не было бы. Но дама Маргарита Аню ни о каких бегемотах – то есть, о кошках, конечно, – не предупреждала. И сама Аня во время вчерашней экскурсии по квартире никаких кошек не заметила. Хотя это как раз и не удивительно. Чтобы заметить и запомнить всё, что есть в этой квартире, потребуется не одна экскурсия...

– Мр-р-рау!

...и хорошо бы – с гидом, который знает планировку. А то ведь даже не известно, в том она направлении идет, откуда слышится мяуканье, или это эхо в залах привольно гуляет...

– Мр-р-рау!

...Наверное, эхо. Потому что кошка мяукнула уже почти за спиной, а ведь Аня только что очень внимательно оглядела весь холл, и никаких кошек здесь не было, и спрятаться им здесь негде, потому что здесь вообще почти ничего нет, кроме старого – старинного – рояля и маленького столика, заваленного нотами, на которых стоит телефон.

– Мр-р-рау!

Ой! Так это телефон так мяукает! Пока дама Маргарита была здесь, она ни разу не звонила с домашнего телефона. И сюда никто не звонил, вот Аня и не слышала этого мяуканья... Да, а сейчас-то кто звонить может? Даме Маргарите не могут звонить потому, что она предупредила всех своих, что выезжает домой, а Ане – потому, что никто не может знать, что она здесь...

– Мр-р-рау!

...кроме дамы Маргариты. И если это звонит она, буквально через три часа после отъезда – значит, что-то случилось. А что хорошего может случиться в дороге?... Аня схватила трубку и тревожно спросила:

– Маргарита Владимировна, что-то случилось?

– Ничего не случилось, – не сразу ответила дама Маргарита. – А ты откуда знаешь, что это я?..

– Ну, а кто же еще? – удивилась Аня. – Вы уехали, значит – звонят мне. А кто кроме вас мне может звонить? Никто. Логично?

– Логично, – согласилась дама Маргарита и, кажется, хихикнула. – Покупай мобильник скорее, а то до тебя не дозвонишься... Десять гудков прошло, я уж думала, что тебя дома нет. Или занята чем?

– Шесть, – возразила Аня. – Я только шесть гудков слышала. То есть звонков. То есть сигналов... Вы же не сказали, что это телефон, вот я кошку и искала.

– Чего ты искала? – заметно растерялась дама Маргарита. – Какую кошку? Ты что – кошку в дом пустила?

– Ой, ну что вы... Наоборот, я думала, что в доме кошка живет! А это телефон так мяукает.

– Как это телефон мяукает?!

– Мр-р-рау! – Аня постаралась скопировать мяуканье телефона как можно точнее, но получилось не совсем похоже, поэтому она на всякий случай объяснила дополнительно: – То есть не совсем так, у него голос намного ниже, я так не сумею.

Дама Маргарита захохотала. Отсмеялась, а потом почему-то спросила:

– Ты не знаешь, кто мне пластическую операцию оплатит?

– Не знаю, – машинально ответила Аня. И тут же испугалась: – Маргарита Владимировна, что случилось?!

– О господи, что ж ты так кричишь? – недовольно сказала дама Маргарита. – Морщины у меня появились, вот что случилось. Между прочим, в результате общения с тобой... А теперь ещё и ухо заложило. Тоже из-за тебя. А вдруг барабанная перепонка лопнула, а?

– Уф-ф-ф, слава богу... – Аня с облегчением перевела дух. – Как вы меня напугали... Я думала, что правда что-то случилось... ну, нехорошее. Вы же всё-таки за рулем.

– Анна, ты меня уморить хочешь? – жалобно спросила дама Маргарита. – А морщины – это хорошо? Тем более – барабанная перепонка! Всё, не буду больше смеяться, всё... Ты там правда испугалась, что ли? Н-да... Ну, не беспокойся. За рулем не я, а Владимир Дмитриевич. И вообще мы на обочине стоим. Потому что твой пакет нашли. Я вообще-то тебе позвонила, чтобы поблагодарить. Как ты догадалась, что я есть захочу? И ведь даже не спросила ничего, потихоньку сунула...

– Извините, я не потихоньку, я думала, что вы видели... Это же обыкновенное дело, в дорогу обязательно надо что-нибудь брать, в дороге всегда есть хочется... А в ресторанах дорого очень. А в забегаловках чем попало кормят. Домашняя еда в любом случае предпочтительней. Логично?

– Анна, я не буду смеяться! – угрожающе сказала дама Маргарита. И опять засмеялась. – Ой, ну тебя... Да, я спросить хотела: а что в бутылке? Это не кока-кола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.